
ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Гости из Китайской Народной Республики осматривают Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве.

Фото М. Филимонова.

На первой странице обложки: Молодые строители нового Китая.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Пекин. Китайские пионеры около «Храма неба».

ОГОНЁК № 39 (1424) 26 СЕНТЯБРЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРИВЕТ ДОРОГИМ КИТАЙСКИМ ДРУЗЬЯМ!

Николай ТИХОНОВ

Пять лет назад, 1 октября 1949 года, была провозглашена Китайская Народная Республика.

От площади Тяньаньмынь до седых гор Каракорума китайский народ ликовал, приветствуя это историческое событие. Кончилась тупая и кровавая власть феодалов и империалистов. Началась власть народа. Начались великие перемены в жизни древней страны, перемены, которым удивляется мир.

Прошло только пять лет — и вместо страны, отданной на волю чужеземных хищников и собственных деспотов, перед нами встает могучая, свободная держава, добившаяся под руководством Коммунистической партии Китая выдающихся успехов. Проведена аграрная реформа на огромных просторах китайской земли. С успехом выполнена программа первого года пятилетнего плана; построены новые фабрики, заводы, новые порты, дамбы, каналы, дороги. Китайские рабочие изумляют быстрым освоением техники сложнейших производств. Китайские крестьяне собирают урожаи, каких они не знали прежде. Китай уверенно идет к тому, чтобы стать великой индустриальной державой.

Коммунистическая партия Китая, ее Центральный Комитет под руководством товарища Мао Цзэ-дуна настойчиво и успешно проводит политику сплочения народа всей страны для строительства социализма. Партия и народ направляют все свои усилия на осуществление великих преобразований в стране.

Решительным образом изменилась жизнь китайских тружеников. Широко поднимается благосостояние людей. Рабочие и крестьяне получили новые школы, получили возможность учиться и учить своих детей. Растут университеты, двери которых широко открыты для людей труда. Расширилось издание книг. Газеты, выходящие повсюду и говорящие об экономических и политических успехах страны, вы видите в руках вчера еще неграмотного китайского человека в городе и деревне.

Гигантские жизненные силы пробуждаются в народе, ставшем хозяином своей страны, своего будущего. В городах и деревнях Китая я встречал деятельных, одаренных людей из народа, талант которых прежде давили и душили феодал и капиталист. Простые люди, крестьяне и рабочие, они сегодня с поразительной энергией, умно, дерзновенно, глубоко проникая в существо решаемых государством вопросов, каждый на своем участке, творят поистине чудеса.

Великие преобразования позволили миллионам людей стать на ноги, сбросить цепи угнетения и бесправия. Союз рабочего класса и крестьянства открыл самым отдаленным провинциям широкую дорогу к прогрессу, подняв на новую высоту их производительные силы.

Китайская Народная Республика и Советский Союз заключили договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Этот договор стал фактором величайшей силы для всего человечества; он не только отражает развитие и укрепление всестороннего политического, экономического и культурного сотрудничества между двумя великими державами — Китайской Народной Республикой и СССР,— но служит делу обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире.

Советские люди от всей души, по-братски помогают великому китайскому народу в его созидательной работе, в сооружении заводов и фабрик, строительстве дорог, электростанций, техническом вооружении сельского хозяйства.

Первую сессию Всекитайского собрания народных представителей открыл Председатель Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики товарищ Мао Цзэ-дун.
Фото агентства Синьхуа.

Замечательны успехи Китайской Народной Республики на международной арене. Правящие круги некоторых капиталистических стран с воистину смешным упорством пытаются «не замечать» на карте великой народной Китайской державы. Но участие шестисотмиллионного китайского народа в борьбе за сохранение мира — это непреложный исторический факт. Народный Китай и Корейская Народно-Демократическая Республика при поддержке Советского Союза добились прекращения войны в Корее. Усилиями Китайской Народной Республики, Советского Союза и Демократической Республики Вьетнам достигнута крупнейшая победа сил мира — окончание войны в Индокитае, войны, которую сторонники «политики силы» хотели раздуть в мировой военный пожар.

На глазах миролюбивых народов мира, сочувственно относящихся к переменам в судьбах Азии, Китайская Народная Республика получает признание азиатских народов, в том числе такого великого народа, как индийский. Развитие дружественных отношений между Китаем и Индией является новым важным событием, которое сказывается благоприятным образом на укреплении сил мира в Азии.

Всех этих внутренних и внешних успехов народный Китай достиг потому, что сотни миллионов трудящихся, объединенные вокруг Коммунистической партии и Центрального Народного Правительства, твердо уверены в своем счастливом будущем, в дальнейшем росте и расцвете китайского государства.

15 сентября в Пекине открылась первая сессия Всекитайского собрания народных представителей. Она утвердила первую в истории китайского народа Конституцию, в которой запечатлены великие права трудящихся Китая, права, надежно обеспечиваемые народно-демократическим строем.

Принятие Конституции — историческое событие в жизни китайского народа. Значение этого события, конечно, выходит далеко за пределы Китая, свидетельствуя о новой великой победе идей марксизма-ленинизма.

Пять лет Китайской Народной Республики! Для всего передового человечества это звучит как здравица силам мира, побеждающим силы войны, как призыв к дружбе между народами, дружбе такой же искренней и тесной, какая соединяет Советский Союз и народный Китай.

Привет вам, дорогие китайские друзья, в день вашего величественного праздника, который является и нашим праздником!

ПЕРВАЯ СЕССИЯ ВСЕКИТАЙСКОГО СОБРАНИЯ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Зал заседаний. Депутаты слушают доклад товарища Лю Шао-ци о проекте Конституции Китайской Народной Республики.

Приветственные возгласы в честь Конституции

ША ОУ

Ликование

Ты землю увлажняющий родник,
Ты сокол, что державно ввысь взлетает,
Ты, как заря, сияешь в эти дни
Над светлыми просторами Китая!

Кипит, бурлит цветущая страна,
Как реки в дни весеннего разлива.
Все молодо, и даже седина —
В рядах веселых, юных и счастливых!

Всегда благодарны ему

Годами шли, страданья сердце жгли,
Рыдало горе, кровь вскипала пеной,
Шипели змеи, но герои шли,
За книгой шли, для каждого священной.

Был с нами он, чья доблесть велика,
Когда сражался с тьмой Китай народный,
И две горы снесли мы на века [1]
И овладели книгой благородной!

Прекрасный сад

В лучах прекрасен наш фруктовый сад:
У яблок щеки, соком налитые,
И ждет отяжелевший виноград,
Когда мы срежем гроздья золотые.

Горят на листьях капельки росы...
Немало крови пролито и пота!
Так пусть запомнят доллара тузы —
Топтать наш сад мы отобьем охоту!

Дорога к солнцу

Дорога наша к солнцу пролегла.
Нет силы той, чтоб нас свернуть могла!
В пути нам звезды светят с высоты,
И радуга дарит свои цветы.

Нам шлет прохладу быстрая река.
Дорога наша к солнцу широка...
И люди забывают навсегда
Два горьких слова: «бедность» и «нужда»...

Перевел с китайского
Л. Черкасский.

[1] Под двумя горами автор подразумевает империализм и феодализм, которые, по образному выражению товарища Мао Цзэ-дуна, как две большие горы, давили своей тяжестью на китайский народ.

Пекин, 15 сентября 1954 года. Дворец Хуайжэньтан. Здесь заседает первая сессия Всекитайского собрания народных представителей первого созыва.

Заместитель Председателя Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики товарищ Лю Шао-ци.

中苏两国人民牢不可破的伟大友谊和团结，对於中苏两大国的繁荣以及对於远东和全世界和平与正义的胜利，是已经发生了巨大的影响的，而在将来，则还会要继续发生巨大的影响。

刘少奇 一九五四年八月十日

Письмо товарища Лю Шао-ци, полученное редакцией журнала «Огонек».

Великая нерушимая дружба и сплоченность народов Китая и СССР уже оказали огромное влияние на процветание двух великих стран — Китая и СССР, а также на победу мира и справедливости на Дальнем Востоке и во всем мире. Они и в будущем будут оказывать огромное влияние.

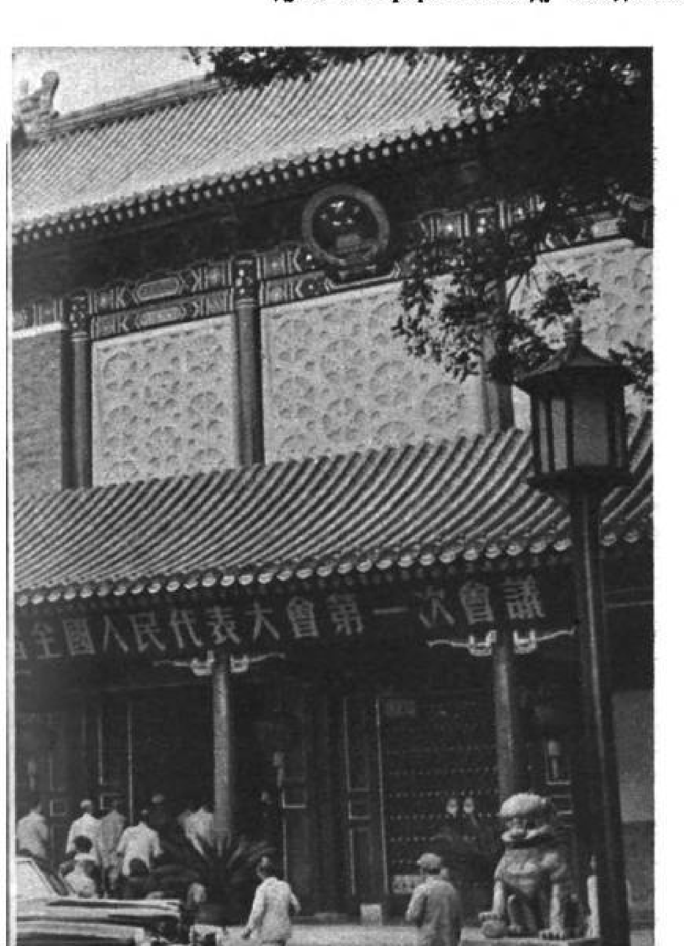
ЛЮ ШАО-ЦИ

Депутаты Всекитайского собрания народных представителей от народности мяо. Слева направо: Ян Хань, Ван Дэ-ань и Ло Вень-цай беседуют в перерыве между заседаниями сессии.

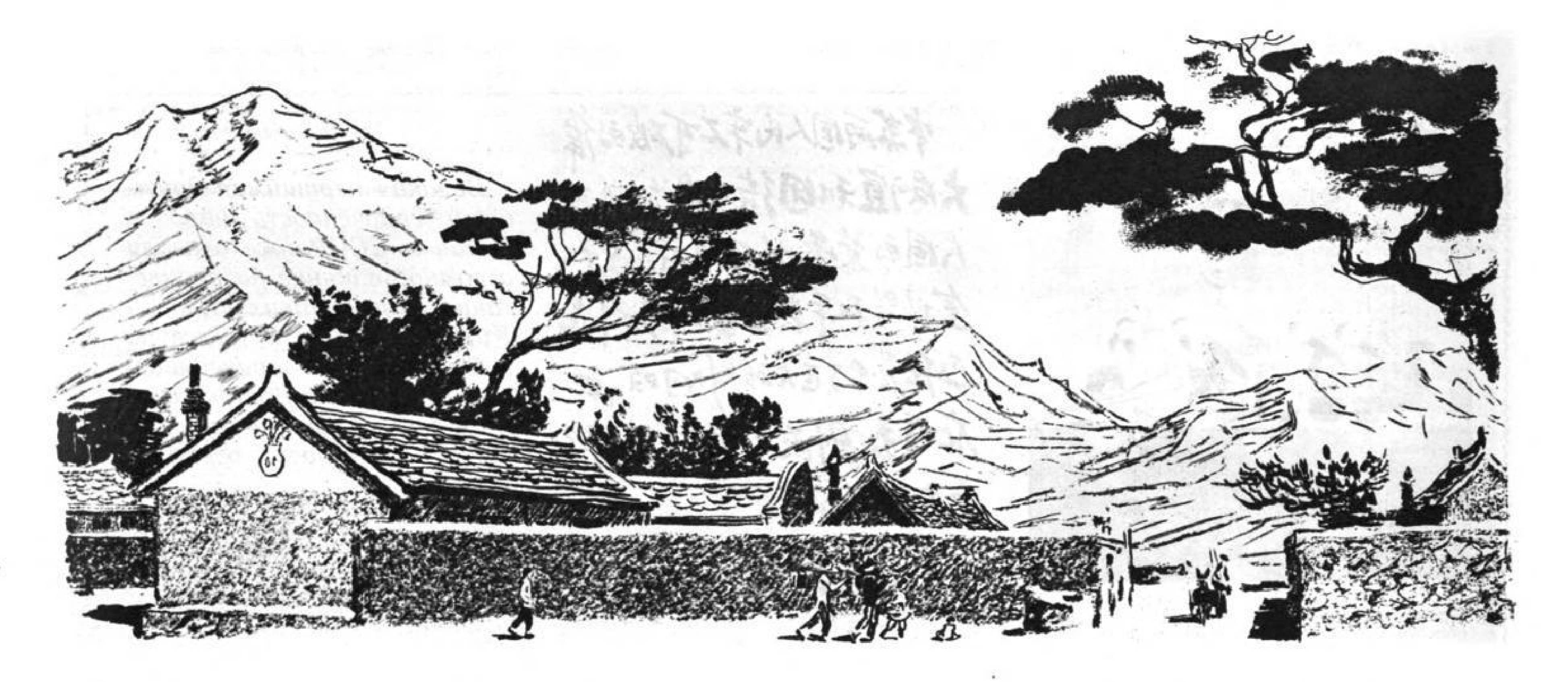
Депутаты Всекитайского собрания народных представителей — далай-лама и панчен-лама.

Женщины-депутаты Всекитайского собрания народных представителей. Слева направо: Герой Труда Хао Цзянь-сю, министр Кан Кэ-цин и известная артистка Чан Сян-юй.

Фото агентства Синьхуа.

ХАНЬ МЭЙ-МЭЙ

Рассказ

МА ФЫН

Рисунки П. Караченцова.

В ноябре минувшего года в связи с подготовкой сводного отчета мне пришлось покинуть на время сельскохозяйственный кооператив в Чжаоцзягоу, где я теперь работаю, и вернуться в уездный центр. Дорога шла через Шуанхэчжэнь, и я решил по пути заглянуть в начальную школу. Весной я работал в этом небольшом городке, часто наведывался в школу, чтобы почитать свежую газету, книжку, и познакомился кое с кем из преподавателей и учащихся.

Первой, кого я встретил, была Люй Пин, учительница родного языка и литературы. В нашем уезде она славилась как образцовый педагог; на прошлых выборах ее даже избрали народным представителем. Познакомились мы с ней несколько лет назад. Она тогда училась в полной средней школе. Это была горячая, увлекающаяся натура. Помнится, в том году, когда она еще готовилась к выпускным экзаменам, в уезде открыли две начальные школы. Педагогов для них не хватало, и отдел школ обратился к выпускникам с призывом пойти работать в школу. Среди ребят пошли разговоры, что-де работа учителя начальной школы бесперспективна, и никто не согласился. Тогда она пошла и записалась первой. Прошло некоторое время. Одни ее однокашники стали студентами вузов, другие получили административные назначения; те, кто все же согласился учительствовать, теперь раскаивались в своем выборе и подумывали о том, как бы им переменить профессию. Люй Пин же всей душой отдалась школе и, кроме уроков, вела немалую общественную работу по Союзу молодежи. В школе она добилась больших успехов и стала уважаемым человеком среди уездного учительства.

Не успели мы перекинуться двумя — тремя фразами, обычными при встрече, как она спросила:

— Ну как, товарищ Ма, написали что-нибудь новенькое? — И тут же, не дожидаясь ответа, добавила: — А у меня для вас кое-какой материал есть. Хотите?

— Как же не хотеть! — улыбнулся я.

Она тоже улыбнулась и потянула меня за собой в учительскую. Здесь она налила мне кружку кипятку, а затем достала из ящика письменного стола пачку писем.

— Вот письма одной моей ученицы. Она этим летом окончила школу. Да вы ее сами знаете: Хань Мэй-мэй.

— Хань Мэй-мэй? Действительно, что-то очень знакомое,— задумался я.— Какая она из себя?

— Уже забыли? А кто хвалил ее за сочинения?

Я сразу вспомнил эту девушку. Ей было всего семнадцать лет. Худенькая, стройная, с двумя длинными косами, неразговорчивая, всегда очень самостоятельная в своих суждениях. Училась она средне, но выделялась своими сочинениями. Некоторые из них я читал. Они были написаны содержательно и очень хорошим слогом. Помню, одно было посвящено переменам, которые произошли у них в деревне за эти годы. Каждая строчка дышала горячей любовью к тому новому, что характерно для деревни сегодняшнего дня. Родом она была из Сяосяньчжуана. Я как-то бывал в этой деревушке и познакомился там с ее отцом, человеком своенравным, упрямым. Сыновей у него не было, Мэй-мэй была его единственной дочерью, и он дорожил ею, как сокровищем. «Милостыню пойду просить,— говорил он часто своим землякам,— только бы дочка выучилась. Теперь для мужчин и женщин полное равноправие. Будет и она большие дела делать. Были бы способности». Я вспомнил все это и невольно спросил Люй Пин:

— А что сейчас делает Мэй-мэй?

Люй Пин засмеялась.

— Обо всем узнаете здесь. — Она быстро рассортировала письма и передала мне. В это время раздался звонок.— Еще один урок у меня. Почитайте пока. Как раз на час хватит.

Она поспешно вышла, взяв со стола нужные пособия. Я стал читать письма одно за другим.

1

Дорогая учительница Люй Пин!

Экзамена в педагогическое училище я не выдержала. Чжан Вэй, из нашей же деревни, тоже провалился. Он учился не в нашей школе, а во 2-й начальной и тоже окончил в этом году. Сегодня мы с ним ходили смотреть списки принятых. Два раза перечитали с начала и до конца, но себя не нашли. Чжан Вэй заплакал. Семнадцатилетний парень — и ревет на улице! Нечего сказать! Прохожие начали останавливаться; он, наверно, понял, что это стыдно, повернулся и без оглядки побежал назад, в деревню. Я его так и не догнала. Сказать по правде, мне тоже было очень горько, что я не сдала экзаменов. Но я не плакала. Все равно без пользы. Я, конечно, понимаю, что учиться дальше — хорошо. Но если не попала в училище, разве ничего другого не остается?! Я вспомнила, как перед самым окончанием школы, на последнем собрании Союза молодежи, Вы говорили нам: «Кто не попадет в училище, тот может работать на производстве. Теперь у нас новое общество. На каком бы деле человек ни был, для него везде открыта дорога. Главное — работать хорошо, тогда внесешь и свой вклад в строительство родины». Дорогая учительница Люй, вспомнила я Вас и тут же, у этого списка, твердо решила: буду работать в деревне.

Но когда я вернулась в деревню, то... Эх, лучше бы об этом и не вспоминать, учительница Люй!

На околице, у ворот храма богу Гуань-ди, толпились люди. Как только я подошла, они уставились на меня и стали шушукаться. Я слышала, как Ли Юй-цин сказал:

— Хэ! Наш почтенный кандидат наук погорел! Хи-хи!

Многие ответили ему смехом. Я так и вспыхнула. Ли Юй-цин — первый зубоскал на деревне. Ни одной оплошности другому не спустит, только и знает, что подтрунивать. Я сделала вид, что не расслышала, и направилась к дому.

Когда я вошла во двор, вся наша семья сидела в тени под деревом и обедала. При виде меня лица у всех недовольно вытянулись. Мама вздохнула, бабушка засопела, а отец задрал свою бороду, бросил на меня сердитый взгляд и крикнул:

— Срам! Учил, учил — и пожалуйста! Ответила, называется, на все мои заботы!..

Так встретили меня дома, дорогая учительница. Я не сдержалась и заплакала.

— Считаешь еще, что права?! — заорал отец и с такой злостью поставил на стол миску с недоеденной кашей, что все бутылочки с приправой так и подскочили. — Ишь, разревелась!

Маме стало жалко меня, и она принялась урезонивать отца:

— Помолчал бы уж лучше! Не видишь, как она переживает!

Отец ей не ответил. Он схватил свою миску и злой ушел доедать кашу на улицу.

— Скорей умойся, дочка, да садись за стол,— ласково сказала мама.— Будешь плакать, он еще сильнее рассердится. Ведь знаешь его характер!

Как обидно мне ни было, но я сказала себе: «С какой стати плакать! Подумаешь, задели

самолюбие!» Слезы кончились сами собой, я умылась и молча села за еду. И все думала о том, как получше объяснить им, что произошло.

Скоро отец вернулся. Он как будто поостыл немного. Поставив порожнюю миску на стол, он сел против меня и стал набивать трубку табаком из кисета.

— Ну, что теперь думаешь делать?

— Буду работать в деревне, вот что! — вырвалось у меня непроизвольно.

— Землю пахать?! — снова задрал он бороду.— Всю жизнь отец мучился, не ел ни разу досыта, только бы ты училась! А зачем? Зачем, спрашиваю?

Тут и бабушка вмешалась:

— Хм! Я когда еще говорила: зачем! Нужно очень девчонкам книжки читать! Все равно, что стараться дракона в тигра переделать,— один толк. Денег-то сколько за пять — шесть лет ученья извели зря!

К этому я была готова. Они надеялись, что я выучусь, получу выгодную службу, стану хорошо зарабатывать, и тогда семья заживет в благополучии. Узнав о моем намерении остаться в деревне, они, разумеется, не могли не рассердиться. Поэтому я сказала, стараясь быть как можно более спокойной:

— Бабушка, когда землю пашешь, имея образование, выгоды от этого куда больше. Да и отцу уже немало лет. Кому еще у нас трудиться?

— Нужны мне очень твои трудодни! — перебил меня отец.— Подумаешь, сколько ты принесешь их!

— Ну, хорошо, отец. Чем же мне тогда другим заняться? Без дела дома сидеть, да?

Отец был ошарашен моим ответом и долго ничего не говорил. Сидел с опущенной головой и все курил. В это время, на мое счастье, ударили в колокол. Пора было идти на работу. Отец взял мотыгу и, уходя, бросил:

— Э-эх! Все равно толку из тебя не выйдет!

Ушел отец, бабушка пилить принялась. Обидно ей, видите ли, что отец столько времени учил меня без толку, что экзамена я не сдала в училище, что в общем пользы от меня действительно нет. Я на ее ворчание отвечать не стала, помогла маме вымыть посуду и, как только освободилась, побежала в правление кооператива.

Народ уже ушел в поле. В конторе были только три человека: председатель правления Хань Цюань-ю, счетовод Чжан Жунь-нянь и дядюшка Юнь Шань, приставленный у нас ходить за свиньями. Говорил все время он один:

— Когда еще обещали дать человека! Больше месяца. А я все без помощника. Только обещания от вас и слышишь. Сколько еще можно ждать?

Председатель стал оправдываться, что он уже пытался мобилизовать нескольких женщин, но те не соглашаются: работа, говорят, грязная. А послать кого-нибудь из мужчин — это дорого обойдется кооперативу. С полевых работ придется снимать в такое горячее время! Он хотел сказать еще что-то, но вдруг увидел меня и замахал рукой: мол, заходи, чего стоишь. Когда я сказала, зачем пришла, все очень обрадовались.

— У нас в кооперативе, сама знаешь, людей мало,— быстро заговорил председатель.— Особенно не хватает людей с образованием. Не знаю прямо, как и похвалить тебя за то, что вернулась. Лучше и не придумаешь.— Он остановился на миг и посмотрел на меня.— Чем же ты хочешь заняться? Выбирай сама, что тебе по душе.

— Решайте вы. Куда пошлете, там и буду работать.

Председатель задумался, потом стал тихо совещаться с Чжан Жунь-нянем.

— Вот что, Мэй-мэй,— сказал наконец он.— Придется тебе быть кладовщиком. Как ты на это смотришь?

— Никак не смотрю,— ответила я.— А только что Хань Эр-со будет делать, если я стану на его место?

— Мы пошлем его в свинарник. Зато тебе эта работа вполне подойдет. Да и легче она, как-никак.

Видно, они искренне хотели сделать лучше для меня, но их предложение нисколько меня не обрадовало. Помните, когда мы еще учились в школе, Вы всегда говорили нам, что член Союза молодежи должен находиться на самом трудном посту? Почему я должна выбирать себе легкую работу? «Если никто не хочет ходить за свиньями, — раздумывала я,— то почему должен хотеть этого Хань Эр-со? Почему не я, а кто-то другой должен быть на этой работе?» Кроме того, Хань Эр-со работу кладовщика знает хорошо. Для меня все было ясно.

— Я буду ходить за свиньями,— сказала я.— Нечего перебрасывать Хань Эр-со с места на место.

— Ты?! — воскликнули они в один голос и с удивлением посмотрели на меня.

А дядюшка Юнь Шань, тот даже рассмеялся:

— Отговаривать тебя, Мэй-мэй, не стану. Только наперед скажу: от одной вони сбежишь.

Я тоже засмеялась:

— Если вы, дядюшка Юнь Шань, все еще не сбежали, то и я, авось, вытерплю.

Сперва они думали, что я это просто так говорю, для красного словца, и поэтому стали уговаривать меня быть кладовщиком. Потом видят, я твердо стою на своем, и согласились.

— Ладно, Мэй-мэй, так и быть, — сказал председатель. — Но знай, очень важную статью дохода нашего кооператива поручаем тебе. Ответственность немалая... — Помолчал немного и добавил: — В работе наверняка трудности будут. Когда тяжело придется, сама думай над тем, как помочь делу. Ни одна работа легко не дается.

На этом и остановились. Вечером у нас в организации Союза молодежи было собрание. Мое решение приветствовали, желали успехов в работе. С сегодняшнего дня я уже настоящий член нашего кооператива. Надеюсь, что этим письмом я Вас порадовала, дорогая учительница Люй.

Привет!

Ваша ученица Хань Мэй-мэй

Вечером 25 июля.

2

Дорогая учительница Люй!

Письмо Ваше я перечитывала не знаю уж сколько раз. Каждое слово вдохновляло меня на преодоление трудностей. Спасибо Вам за все. Так трудно мне пришлось, так трудно, что одно время даже руки опускались! Теперь уже ничего. Ребята по Союзу помогли, и как будто бы дело наладилось. Расскажу Вам коротко о своей работе за это время.

Свиней в нашем кооперативе вместе с поросятами всего 46, но на всех только один хлев. Меня теперь нисколько не удивляет то, что никто не захотел быть на этой работе: хлев одним своим видом вызывает отвращение. Грязи в нем по колено, куда ни сунешься, всюду навозная жижа. Заросли свиньи этой грязью — живого места на них нет. Мух видимо-невидимо. А вонь!.. Прав был дядюшка Юнь Шань. Кто ни пройдет мимо, тот нос зажимает и бежит стремглав подальше. Первые дни я тоже никак не могла привыкнуть к этому запаху. Что там говорить: достаточно постоять около хлева немного, как вся одежда на тебе пропахнет... Но как ни грязно там было, как ни уставала я на работе, все-таки терпела, зубы стискивала, а терпела.

Руки же опустились у меня вот из-за чего. С тех пор как меня приняли в члены кооператива и я стала свинаркой, отец стал относиться ко мне все хуже и хуже. Бранится весь день, лучше на глаза не попадайся. Одни слова у него были для меня: «Низкая тварь!» А бабушка, так та только и знала, что ворчать: «Видали! Знакомыми среди скотины девица обзавелась! Это ли не срам?» Мама, правда, бранить меня не бранила, но тоже, как увидит, все вздыхает. В деревне, конечно, пошли разговоры, пересуды разные... Когда я в первый раз отправилась к своим свиньям, за мной из всех углов подсматривали. А в одном месте несколько женщин, не стесняясь, тараторили: «Глядите, студентка-то к свиньям пошла! Ай-яй-яй, вот жалость какая!», «Что поделать, раз из человека ничего не вышло!» Всякого я наслышалась. Одно мне тогда оставалось: притворяться, что ничего не слышу, и продолжать делать свое дело.

Но на душе у меня было горше горького. Что дома бранили, еще ладно. Но почему деревенские смотрели на меня с таким презрением?! Все эти дни настроение у меня было отвратительное. Я чуть было совсем не пала духом. Наш секретарь комитета (я уже писала Вам о нем, это кооперативный счетовод Чжан Жунь-нянь), наверно, тоже заметил, как тяжело у меня на душе. Пришел как-то и долго беседовал со мной.

— Раз взялась за такое дело, не жди, что о тебе одно хорошее будут говорить, — сказал он. — Будут и насмешки и удары по самолюбию... Главное — знать, что ты работаешь для всех, думать, как бы лучше сделать работу, тогда никакая брань к тебе не пристанет. Рано или поздно, а народ поймет. Когда наш кооператив еще только организовывался, многие отнеслись к этому с холодком, некоторые даже насмехались. А потом, когда дело пошло на лад, они сами стали просить, чтобы их в кооператив приняли...

Долго я в этот вечер не могла заснуть. Ворочалась с боку на бок, все думала. В общем, что бы там люди ни говорили, я решила: буду держаться до конца. Я думаю, что боязнь быть обиженной — это тоже индивидуализм. Правда, учительница Люй?

Прошло несколько дней. Я работала, как всегда, и разговоры действительно прекратились. Я все думала о порученных мне животных. Раз их дали под мою ответственность, решила я, то надо взяться за дело по-настоящему. Прежде всего нужно навести чистоту. Пошла к дядюшке Юнь Шаню посоветоваться, с чего начать. Я была уверена, что он одобрительно отнесется к моему предложению. Но случилось обратное. «Вот-вот! Я с самого начала говорил, не по тебе это дело. Что, никак не привыкнешь к запаху?» — сразу огорошил меня он. «Привыкла, дядюшка Юнь Шань, или не привыкла, не в этом дело, — от-

ветила я. — Важнее другое: наведем чистоту, тогда свиньи болеть не будут. «Что?! И здесь здравоохранения захотелось?! Свинья есть свинья! Ей небом определено быть грязной. Тоже надумала: са-ни-та-ри-я! Прожил я на этом свете ни много, ни мало шестьдесят лет. Что-то не слыхал, чтобы свиньям санитарию наводить нужно было». Заладил одно, что свиньям небом определено жить в грязи, и ни с места. Какая, мол, разница, будет: в хлеву чисто или нет?

Никаких веских доводов привести ему я не смогла и потерпела поражение. Но я не смирилась. Как только выпадал свободный час, я бежала в правление и там рылась в старых газетах. Я не сомневалась, что найду в них материал об опыте выкармливания свиней или что-нибудь вроде этого. Наконец я нашла две статьи. Одна так и называлась: «Санитарная работа при уходе за свиньями». Помчалась я с ней к дядюшке Юнь Шаню, словно драгоценность мне какая досталась. В статье сначала речь шла вообще о санитарной работе, а потом было приведено два конкретных примера. В одном сельскохозяйственном кооперативе, имевшем более ста свиней, санитарное дело поставлено так хорошо, что вот уже два года, как у них ни одного случая заболевания среди свиней нету. А в другом — как раз наоборот: только за один прошлый год из семидесяти свиней потеряли десять. Выслушал дядюшка Юнь Шань статью до конца и сказал: «Эге! И в газетах про то же пишут». «В газетах, — говорю я, — правду пишут. Наши газеты обманывать не станут». «Так-так!..» — протянул он и замолчал. Вижу, глаза у него оживились, и поспешно заговорила: «Наведем в хлеве чистоту — всей деревне польза. Здравоохранением и мы должны заниматься. Слыхал, соседи уже в правление ходили жаловаться на нас?» «Да-да, очень народ недоволен».

Проговорили мы с ним дотемна, пока наконец он не согласился. Договорились вот до чего. Как только вычистим хлев и приведем все в порядок, станем приучать свиней ходить в определенное место, как в газете советуют. Санитарный порядок должен сохраняться всегда. Так обрадовал меня дядюшка Юнь Шань своим согласием, что я чуть не запрыгала.

Но тут я вспомнила о другой трудности. Хлев у нас большой, грязи в нем много, двоим нам, пожалуй, и в месяц не управиться. Да и тяжело дядюшке Юнь Шаню быстро работать: прихрамывает он. Просить председателя дать людей? Ничего из этого не выйдет. Обещать-то пообещает, да сможет ли дать, когда в поле работы по горло! Я огорчилась, что ничего сама придумать не могу. Побежала искать нашего секретаря Чжан Жунь-няня, чтобы с ним посоветоваться. Он обрадовался, узнав о нашем плане, и сам предложил мобилизовать членов Союза молодежи поработать вечерами. В тот же день созвали собрание. Обсудили вопрос быстро, никто против не выступил. Особенную активность проявили двое, но это понятно: они живут по соседству с хлевом, поэтому, рассказывают, натерпелись за лето, нанюхались, что называется.

Работать начали со следующего же дня. Эти вечера светила полная луна. Я работала вместе со всеми, а заодно учила ребят новым песням. Работали все дружно, со старанием, шуткам и смеху не было конца. В первый вечер явились только парни, но потом пришли и девушки. За пять вечеров весь хлев очистили от грязи. Навоз вывезли в яму за деревней, несколько телег желтого песку доставили, посыпали в хлеву, свежей травы накидали на решетки. Когда все было готово, мы с дядюшкой Юнь Шанем погнали свиней на речку, баню им устроили... Сейчас у нас чистота, каждый день по два раза уборку в хлеву делаем. Стали уже приучать свиней и ходить в определенное место. Но это — дело по-настоящему трудное: они совсем не слушаются. Я верю, что понемногу приучим их. Ведь привычка не сразу вырабатывается!

Деревенские очень довольны переменами в хлеву, а соседи, те в один голос говорят: «Доброе дело задумала, Мэй-мэй!» Конечно, некоторые поют и другое: «Новая метла чисто метет!», «Переделайте свой хлев хоть во дворец с колокольчиками из чистого золота, все равно свиньи принцессами не станут!». Это острит Ли Юй-цин.

Вы спрашиваете о Чжан Вэе? После того как мы ходили с ним в город смотреть списки принятых, он на улицу и не показывается, видеть никого не хочет. Торчит день-деньской дома и хнычет. Родители боятся, как бы парень не заболел, каждый день готовят ему какие-то особенные блюда... Однажды я зашла к нему. Выглядит он плохо, глаза опухли, стали похожими на красные финики. Я пробовала убедить его заняться делом: мало ли в сельском хозяйстве работы! Но он замотал головой: «Мне не перенести такого стыда!» И добавил: «Никогда бы не подумал, что ты за свиньями ухаживать станешь. Какие у тебя перспективы?!» «Что бы ты ни делал, все для родины...» — начала я, но не успела кончить, как он раскричался: «Хватит, хватит! Я не такой передовой, как ты. Кому нравится, тот пусть себя проявляет!» Меня зло взяло, я повернулась и убежала.

После меня Чжан Жунь-нянь два раза ходил к нему, сам председатель уговаривал его, и все равно никакого толку. Рассказывали, что он заставил своего отца продать два мешка пшеницы, чтобы дать ему денег на дорогу, и уехал в Тайюань искать работу. Позавчера мать его приходила с письмом. Из Тайюани прислал! На всю деревню хвасталась. Встретит грамотного — даст читать, а неграмотному обязательно скажет: «Мой Чжан Вэй в провинциальном правительстве нашел себе дело. В правительстве всей провинции!» Я читала это письмо. О службе там нет ни слова.

Когда отец с бабушкой узнали об этой новости, от зависти они прямо не знаю что готовы были со мной сделать. С тех пор не стало дня, чтобы я не слышала упреков. Но теперь я уже не принимаю их так близко к сердцу. У меня своих дел хватает, чего уж там! До следующего письма.

Привет!

Хань Мэй-мэй.

23 августа.

3

Дорогая сестра Люй Пин!

Разреши мне называть тебя сестрой, мне это будет очень приятно. Как хотелось бы мне иметь такую чудесную сестру, как ты!

Будь спокойна, родная, я никогда не возомню о себе. Подумаешь, успехи! Да и не одни мои в этом заслуги... Книжки об уходе за свиньями, которые ты прислала, я прочитала от начала и до конца, читала их и дядюшке Юнь Шаню, когда выпадало свободное время. Раньше я считала, что ухаживать за свиньями проще простого. Теперь же, благодаря книжкам, я поняла, что это большая наука. Чем больше учишься, тем яснее начинаешь понимать, что знаний твоих недостаточно. Вырастить свинью совсем не легкое дело. К слову, как приготовлять корм? Кто мог подумать, что есть такая масса способов! Оказывается, свиньи тоже нуждаются в разнообразной пище. Им нужны и кальций, и фосфор, и витамины всякие... А мы им давали раньше одни отруби. Иной раз, когда муку на мельнице не мололи и отрубей не было, замешивали прямо зерно. Сыпали его много, а свиньи все равно ели плохо. Сейчас мы кормим их по-новому. Кроме отрубей, подбавляем разные корнеплоды, траву, стебли юйцзяо, арбузные корки... Знаешь, сколько мы теперь зерна экономим!

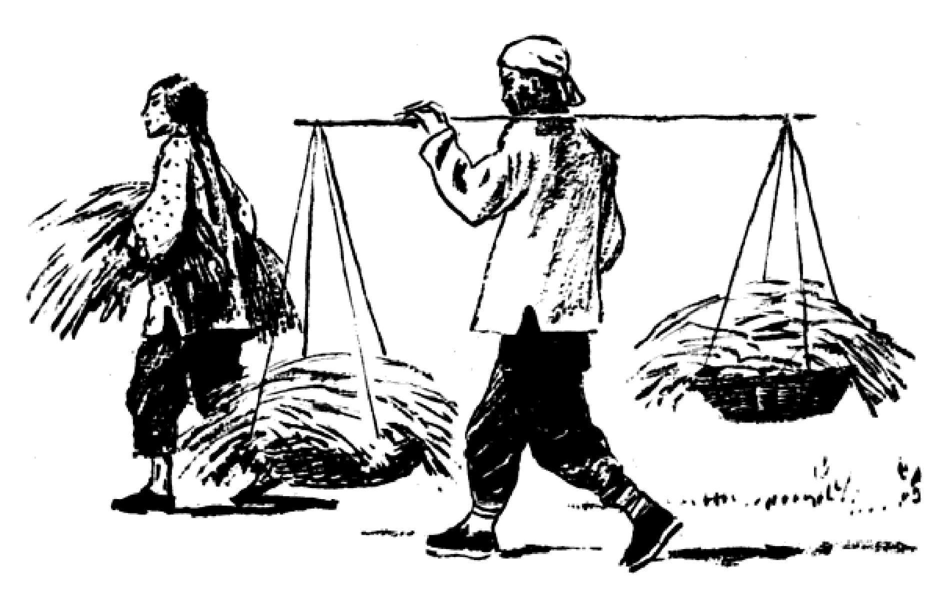
Но и здесь сначала были трудности. Дядюшка Юнь Шань о новых кормах и слушать не хотел. «Тебя на привязи держать надо, Мэй-мэй, иначе что ни день — новое придумывать будешь, — ухмыльнулся он, когда я рассказала ему о суточном рационе для свиней. — Ну, скажи мне, где ты видела, чтобы свиней кормили травой?!» Я ему ответила, что это опыт других и его надо перенимать, а он смеется: «Опыт? Опять, наверно, в газете вычитала? Конечно, не верить тому, что пишут газеты, нельзя, но и доверять им слишком тоже не следует. Не такие животные свиньи, чтобы одной травой им кормиться. Сколько ни давай им, все равно сыты не будут». «А я уже проверила, дядюшка Юнь Шань. Не верите — пойдем и посмотрим».

Я знала, что дядюшка Юнь Шань ни за что не поверит, если не увидит своими глазами. У меня уже были приготовлены лебеда, зольник и другие травы, которые я заранее нарвала в поле. Дала я их свиньям — все съели подчистую... Когда дядюшка Юнь Шань убедился, что я сказала правду, он долго молчал.

«Такая уйма свиней! — сказал он наконец озабоченно.— Десять человек поставь собирать траву, и те не управятся».

Это действительно была проблема, и я рассказала о том председателю. «Скажи, пожалуйста! — пришел тот в восторг.— Уменьшить количество зерна, которое мы отпускаем для свиней? Здорово! Дельное предложение!» С этого времени каждый член кооператива, возвращаясь с поля, должен был рвать по дороге сорную траву и приносить нам. Я тоже ходила ежедневно по дворам и собирала ботву и вообще все, что годится на корм свиньям. Потом хозяйки стали к нам приходить сами. Даже старик У Дэ-хоу, который смотрит за бахчой, приплелся раз в обеденное время с целым мешком арбузных корок и теперь навещает нас каждый день. Недавно на правлении составляли план, решили осенью несколько му залежной земли отвести под огород, чтобы посадить для свиней репу, капусту... Не

сравнить теперь наших свиней с теми, какие были раньше. Народ говорит, что особенно разжирели они за последний месяц.

Свиней у нас прибавилось. Несколько дней назад одна свиноматка опоросилась, сразу двенадцать поросят принесла. Красивенькие, словно белые мячики. Все не нарадуются на них. А особенно рады мы с дядюшкой Юнь Шанем. Как только они родились, мы выкупали их в теплой воде. Молока на всех не хватает, и мы варим специальный отвар. С первого же дня мы с дядюшкой Юнь Шанем установили ночное дежурство около свиноматки: все боимся, как бы она ненароком не задавила их. Весной одна свиноматка чотырех поросят задавила сразу после опороса! Такое несчастье! Мы с дядюшкой Юнь Шанем всех выкормим, до единого!

За несколько дней до праздника Середины осени у нас в кооперативе закололи большую свинью, и мясо распределили так, чтобы народу было чем встретить праздник. Когда закалывали ее, я не знала, куда себя девать от жалости: ведь своими руками вырастила! Потом сама над собой смеялась. Свиней-то мы растим для того, чтобы мяса было побольше для людей... Транспортная бригада нашего кооператива отобрала пять крупных свиней и отвезла в Тайюань продавать... Вернулись с хлопкоочистительным станком: в этом году у нас много хлопка засеяно, и такой станок нужен позарез.

Да, они рассказывали, что встретили в Тайюани Чжан Вэя. Оказывается, Чжан Вэй служил в каком-то учреждении при провинциальном правительстве не то посыльным, не то уборщиком, оттуда сбежал и теперь работает на механическом заводе. Прежней своей работой он недоволен, говорил, что она не давала никаких перспектив. Эти дни его мать снова с утра до вечера по улице носится, рассказывает всем: «Мой Чжан Вэй стал рабочим. Вы знаете, что такое сегодня рабочий? Самым большим почетом пользуется. Слыхала я, что рабочие сейчас — руководители!»

Сестра Пин, я считаю, что совершенно безразлично, какую работу ты делаешь. Нужно отдаться ей, тогда и интерес появится. Своей работой я очень довольна. Деревенские уже не смотрят на меня с пренебрежением. Даже Ли Юй-цин не насмехается при встрече. Наоборот, мне рассказывали, что он всем доказывает теперь: «Нынче, что бы ты ни делал, без образования не обойтись. Имеешь образование, тогда и свиней сумеешь хорошо выкормить!» Вот как. Кто из деревенских имеет у себя свиней, часто приходит посоветоваться, и тогда я читаю им твои книжки. А сегодня утром пришла одна женщина из Сяосяньчжуана — там у них тоже есть сельскохозяйственный кооператив — и стала просить меня: расскажи да расскажи ей, как ходить за свиньями. А какой у меня опыт?! Применяем научный метод, вот свиньи и растут хорошо. А метод этот весь в книгах, в газетах — отнюдь не мой. Мы с дядюшкой Юнь Шанем все утро с ней беседовали. Потом она нам сказала, почему пришла. Этим летом у них пали три свиньи и пять поросят. Они, оказывается, не обращали внимания на санитарную работу. Она поблагодарила нас и сказала, что заведет и у себя такие же порядки, как у нас, станет работать по нашему примеру.

Жму руку!

Мэй-мэй.

30 сентября.

4

Сестра Пин!

Давно не писала тебе. Все это время у нас в кооперативе дел было по горло, убирали урожай. В поле уходили каждый день еще затемно, а возвращались, когда уже ночь на дворе была. Людям некогда было думать о траве для наших свиней. Мы с дядюшкой Юнь Шанем начали выгонять их в поле, где картошку и сладкий батат уже вырыли. Хозяйство наше за это время разрослось: сразу два выводка поросят прибавилось. За ними глаз да глаз нужен! Появилась и другая работа. Что ни день, к нам стали приходить из других деревень за советом, как лучше ухаживать за свиньями. Мы с дядюшкой Юнь Шанем с ног сбились, иной раз забывали даже поесть.

Теперь урожай уже собрали, и позавчера по этому поводу было общее собрание членов кооператива. На собрании выбрали пятерых в отличники производства. Выбрали и меня, а разве я отличница? Сама чувствую, что работаю пока не так, как хотелось бы. Надо еще научиться разбираться в разных тонкостях ухода за свиньями, не хватает у меня многих знаний, да и сделала я еще не все, что нужно. Но никто меня не стал слушать. Все в один голос: избрать и избрать.

Я понимаю, что это поощрить меня хотят, чтобы я на самом деле стала мастером по уходу за свиньями. Какая это почетная задача, правда, сестра Пин?

Произвели на этом собрании и полный расчет. Я заработала больше семидесяти трудодней. В общем, на мою долю пришлось одним зерном больше тысячи цзиней [1]. Как я довольна, сестра Пин, ты даже не представляешь себе! Раньше я зависела от отца с матерью, они меня кормили. Теперь я сама могу заработать себе на жизнь.

А отец мой получил за весь год всего чтото около ста трудодней. В предыдущих письмах я тебе о нем ничего не писала, поэтому разреши сейчас рассказать все. Когда я стала ходить за свиньями, ты помнишь, он даже смотреть в мою сторону не хотел. После того как наш председатель и секретарь комитета поговорили с ним, он, правда, ругаться перестал, но настроение его от этого не улучшилось. Хмурился целыми днями, грустный какой-то стал, иной раз даже в поле не выходил. Маме он все доказывал, что надеяться на меня нельзя, сколько бы я ни трудилась. Со мной у него были связаны все надежды, а что получилось? Свинарка! Можно ли после этого оставаться спокойным?! Он никогда раньше не пил, а теперь нет-нет, хватит один — два ляна — и давай бить посуду. А то завернется в одеяло и спать заваливается. Когда бы ни увидел меня, отвернется, слова не скажет.

Легко мне было видеть такое, сестра Пин? Единственное, что мне оставалось, — это терпеть. Я мало бывала дома все эти месяцы, приходила только есть и спать. Временами мне было очень жалко его. Я сознавала, что это у него от старого общества, и укоренилось это в нем очень глубоко. Сам труженик, крестьянин, он относился с пренебрежением к физическому труду, ни во что не ставил его. Но я верила, что когда-нибудь он все поймет.

На общее собрание членов кооператива отец не пошел. Когда я вернулась после собрания, мама уже была дома. За дверью я слышала, как она говорила отцу: «Ты знаешь, сколько получила наша Мэй-мэй? Больше тысячи цзиней. Скоро тебя перекроет». Отец ничего не ответил, а бабушка удивленно воскликнула: «Ого! Больше тысячи! Вот не думала!» Потом опять заговорила мама: «В деревне только и разговоров, что о нашей Мэй-мэй. Толковая, говорят, девушка. Кого ни встретишь на улице, у всех на языке одно: «Что бы ни делал, а с образованием совсем иначе получается. Молодчина все-таки ваша Мэй-мэй!» А на собрании, когда стали называть отличников, все в один голос: Мэй-мэй! Ее и выбрали». Отец попрежнему молчал.

Когда я вошла, он сидел с опущенной головой на кане и курил. «Отец,— говорю я,— я надумала продать немного зерна и купить пару поросят. И не заметишь, как вырастут у нас». «Хочешь покупать — покупай, зерно тобой заработано»,— сказал он, попрежнему не глядя на меня, но тон у него был уже другой, не такой упрямый. «Все, что заработано мною, принадлежит всей семье,— сказала я.— Как это я могу делать то, что мне вздумается!» Тут в разговор наш вмешалась бабушка: «В самом деле, хорошо бы купить поросят. Вырастим, потом обменять сможем. Не меньше четырех — пяти мешков зерна дадут за них».

В это время пришел наш председатель. «Ну, Мэй-мэй, принимай гостей! — остановился в дверях и смеется.— Такое большое событие, что без угощения никак не обойдется». Я не знала, о чем это он, мои все тоже с удивлением посмотрели на него. Оказывается, из уезда пришла директива командировать меня в Тайюаньский госхоз для изучения новых методов свиноводства. На сборы два дня только осталось. Я так обрадовалась, когда услышала, что на месте не могла усидеть. Мама и бабушка, те не знали, что и сказать, так и стояли с открытыми ртами. А отец попрежнему молчал. Он смотрел то на председателя, то на меня, и вдруг из глаз его полились слезы. Я никогда не видела, чтобы мой отец плакал. «Прости меня, Мэй-мэй, — проговорил он чуть слышно. — Все эти месяцы я к тебе...» Он не досказал, но я сразу поняла, что творится у него на душе. Я не знаю, почему, но я тоже вдруг заплакала. Моя мама всегда не прочь поплакать. Увидит у кого-нибудь слезы на глазах, сразу в плач. Я плачу, а на сердце у меня так радостно, так сладко, что выразить невозможно.

Сегодня я весь день готовилась к отъезду. Работу свою временно пришлось поручить Чжоу Юй-э: это девушка, которая живет как раз напротив нас. После обеда было собрание нашей организации. Похвалили мою работу, пожелали мне хорошо учиться, овладеть профессией. Я обещала быть достойной дочерью моей родины.

Когда мы расходились, на улице нам повстречался Чжан Вэй, только что вернувшийся из Тайюани. Мы обрадовались, подбежали к нему, замахали руками. Кто-то из наших ребят закричал что было силы: «Ура! Наш старший брат — рабочий класс — вернулся! Скорей давай докладывай, как там дела идут на заводе!» Чжан Вэй ни слова не вымолвил. Повернулся и пошел домой. Потом только мы узнали, что он оставил и завод и теперь нигде не работает. Ему не понравилась работа на заводе: грязно, устаешь, целый день занят. «Хуже, чем поле пахать!» Вон, оказывается, что у него на уме, к труду он с презрением относится. Вот какая у него вредная идеология. Мы решили помочь ему хорошенько разобраться в идеологических вопросах.

Сестра Пин, завтра я уезжаю в Тайюань. Оттуда обязательно напишу тебе.

Жму руку.

Твоя Мэй.

В ночь на 12 ноября.

* * *

Я прочитал эти письма, что называется, одним духом. Мне показалось, будто Хань Мэймэй стоит передо мной, и так явственно было это ощущение, что мне захотелось встать, чтобы приветствовать ее. Да, она действительно такая же отважная, решительная и не боящаяся трудностей, как и ее учительница Люй Пин...

В этот момент вернулась Люй Пин. Еще в дверях она спросила меня:

— Ну как, прочитали? Годится это для вас как материал?

— Да мне тут писать и не придется,— ответил я.— Сами письма — готовая статья. Надо немедленно отправить их в редакцию. Пусть вся учащаяся молодежь знает: без труда, по счастливой случайности, никакой успех, никакая слава не приходят.

Перевел с китайского А. Г. ГАТОВ.

[1] Цзинь — около 600 граммов.

МЫ ИЗ АНЬШАНЯ!

Г. БОРОВИК, Д. БАЛЬТЕРМАНЦ

Специальные корреспонденты «Огонька»

Мы стояли у широкого окна вагона, забранного частой металлической сеткой — от комаров и пыли. Из грязносерого неба низвергались на землю потоки воды. Дождь лил третьи сутки, без перерыва. Душный воздух, густой, как студень, казалось, можно было раздвигать руками. Вентилятор под потолком усердно работал, но положения не спасал.

Один из пассажиров, невысокий крепкий человек в синих хлопчатобумажных брюках и белой рубашке навыпуск, увидев на одном из нас беспомощно висящий безработный фотоаппарат, улыбнулся и шутливо заметил:

— Вас подводит дождь... Но говорят, если на дождь перестать обращать внимание, он может прекратиться и сегодня...

Так состоялось наше знакомство.

Товарищ Цзао едет в Чанчунь, он работает там на строительстве первого в Китае автомобильного завода. Нет ли у него знакомых аньшаньцев? Есть и даже очень много. Он называет сразу не меньше десятка фамилий. Цзао — сам один из тех, кто сейчас гордо говорит о себе: «Мы из Аньшаня!»

От Аньшаньского металлургического комбината, первенца своей индустрии, народный Китай получает первоклассную сталь, чугун, рельсы, балки, трубы, тонкий лист. Можно привести множество цифр, которые покажут мощь этого индустриального великана, дающего больше половины металлургической продукции Китая. Целая книга нужна, чтобы описать подробно каждый из его тридцати двух действующих цехов, среди которых есть оснащенные самой новейшей техникой; там почти не видно людей: все автоматизировано. В 1956 году намечено пустить второй мартеновский цех и второй цех блюминга, а всего к окончанию основного строительства на комбинате будет 55 цехов.

Все это широко известно не только в Китае, но и далеко за его пределами. Аньшаньский комбинат приобрел поистине мировую славу, как символ нового исторического пути, на который вступил китайский народ. Нам хочется рассказать о замечательных людях, которых воспитал комбинат за пять лет своей новой жизни.

Старый мастер Ван Си-чун и девушки бригады образцовой работницы высшей категории У Юй-лан (первая слева).

У Юй-лан и ее учитель

Снимок, где старый Ван Си-чун что-то объясняет своим ученицам, вряд ли можно было сделать года четыре тому назад. Не потому, что не существовало электроремонтного цеха или старому мастеру некому было передавать свой богатый опыт. Были и цех, и опыт, были и люди, желавшие его воспринять. Но сам Ван Си-чун тогда был другим. Впрочем, здесь целая цепь событий, и начинать надо с того, как У Юй-лан решила поступить на комбинат.

Когда в 1948 году в Аньшань пришла Народно-освободительная армия, У Юй-лан было восемнадцать лет. В двадцать лет она решала арифметические задачки на экзамене для поступления в электроремонтный цех. На другой день после экзамена к Ван Си-чуну подвели невысокую смуглую девушку с падающими до плеч волосами. «Это будет ваша ученица», — сказали ему.

Старый рабочий ничего не ответил на ее почтительное «Нинь хао!» («Здравствуйте!»), даже не посмотрел в ее сторону. Долго стояла перед ним У, пока наконец не услышала:

— Никогда в этом цехе не было девчонок. Передавать тебе мой большой опыт — все равно, что делать этот амперметр из соломы. А когда выйдешь замуж, все равно все бросишь...

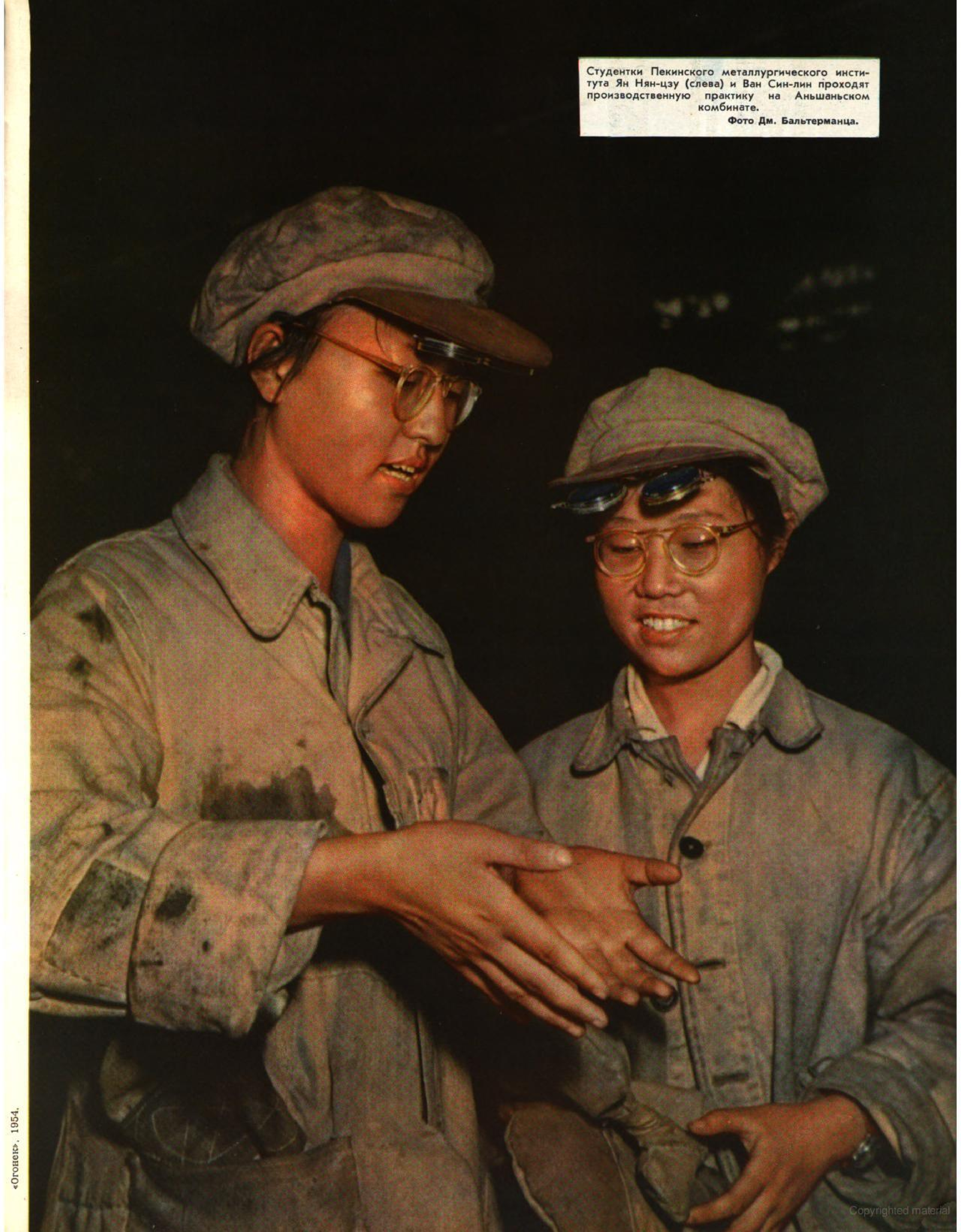
Больше Ван Си-чун ничего не сказал. Пришлось начинать работать самой, приглядываясь к окружающим. Пришлось по вечерам долго оставаться в цехе, разбираясь в каком-нибудь непонятном механизме. Ей помогали товарищи, но они и сами часто нуждались в помощи.

Прошло несколько недель, месяц, два. Постепенно девушка овладевала сложной профессией монтажницы. Ван, вначале не обращавший на нее внимания, иногда с любопытством посматривал в ее сторону. Однажды У решилась и задала Вану какой-то технический вопрос. Застигнутый врасплох, старый рабочий объяснил. После этого вопросов становилось все больше. Ван не выдержал.

— Вот что, — сказал он, — своими бесконечными вопросами ты мешаешь мне работать. Напиши на бумаге все, что ты хочешь знать, и я тебя научу. Ты все-таки девушка старательная...

В 1952 году в бригаде У Юй-лан уже насчитывалось двадцать четыре девушки. Ван Си-чун ворчал для проформы, но в общем охотно обучал каждую девушку, вновь вступавшую в бригаду.

Однажды было получено задание: собрать в месяц 40 реле новой формы. Бригада девушек единогласно решила, что можно собрать не

Студентки Пекинского металлургического института Ян Нян-цзу (слева) и Ван Син-лин проходят производственную практику на Аньшаньском комбинате.

Фото Дм. Бальтерманца.

В детском саду Аньшаньского комбината.

40, а все 60, если только будет необходимое количество деталей. Тут же предложили вызвать слесарей и токарей на соревнование.

Пошли к Ван Си-чуну. Но тот и слушать не захотел.

— Все эти соревнования — сплошная выдумка,— твердил он упрямо.

Время шло, и дело принимало серьезный оборот. Токари и слесари решили снабдить девичью бригаду деталями и посмотреть: авось, придется пошутить над тем, как девушки оскандалятся, — шутка ли, собрать 60 не освоенных еще реле! Без помощи опытного Ван Сичуна справиться было бы почти невозможно.

Старика пригласили на цеховое собрание членов Союза молодежи. Он отказался. Дни летели один за другим, сборка двигалась медленно. Но Ван и сам ходил мрачный, даже похудел.

Однажды он подозвал к себе У Юй-лан.

— Где вы обычно проводите собрания? — спросил он.

— Вон в той комнате.

— А почему не здесь? Ведь эта просторнее.— Он указал на комнату, где работал сам.— И кроме того,— добавил Ван безразличным тоном,— может быть, я случайно услышу, о чем вы будете говорить...

Обрадованная У Юй-лан побежала к девушкам.

На собрании работницы критиковали себя за то, что поступили, как дети: поспешили, не посоветовавшись с опытным Ван Си-чуном, и приняли такое важное решение — дать шестьдесят реле.

Ван стоял у своих приборов, спиной к собравшимся и, казалось, ничего не слышал.

План, конечно, они выполнят, но обязательство — вряд ли, продолжали девушки, комбинат не получит двадцати реле, которые сейчас так необходимы... А рабочие засмеют их, и это тем более обидно, что все они — ученицы Ван Си-чуна.

И тут старый Ван попросил слова. Мастер говорил о том, что напрасно девушки себя так ругают: он тоже виноват не меньше их. Он, наверное, все-таки недостаточно сознательный. Ему надо еще себя воспитывать! Ван, конечно, поможет девушкам, потому что это нужно не только им, а всему комбинату.

К концу месяца бригада сдала все шестьдесят реле.

«Меня зовут Коля!»

В трубопрокатном цехе нам встретился молодой высокий парнишка, сменный мастер. Он появился перед нами откуда-то сверху, ловко, по-матросски, сбежав по крутому железному трапу.

— Здравствуйте! Меня зовут Коля! — улыбаясь во весь рот, закричал он.— Коля по-русски, а по-китайски Лу Дэ-син! Я учился у вас в Советском Союзе, на Уралмаше...

Сменный мастер Лу Дэ-син (Коля).

Ван Чун-лунь (в центре) читает письма.

Он сразу потащил нас осматривать свое грохочущее, вздрагивающее, скрежещущее, сверкающее хозяйство. Коля водил нас по узким железным мосткам и лесенкам; заставлял бежать вслед за раскаленной заготовкой; показывал пульт управления, за которым работала высокая, статная девушка, а две другие, поменьше и помоложе, следили за ее уверенными движениями — учились. Поминутно Лу Дэ-син останавливался, по-русски поднимал вверх большой палец. «Здорово! А?!» Глаза его при этом гордо и весело блестели. А мы, до отказа напрягая голосовые связки, отвечали: «Очень здорово!» — и тоже поднимали вверх большой палец.

На комбинате две тысячи двести тридцать семь рабочих выдвинуто на технические и руководящие посты. Лу Дэ-син — один из них.

Мы увидели Колю — Лу Дэ-сина — еще раз перед самым отъездом из Аньшаня. Под проливным дождем он пришел к нам в гостиницу, бережно вынул из кармана рубашки промокшую фотокарточку и сказал:

— Вы меня фотографировали там, в цехе, и, наверное, хотите поместить снимок в вашем журнале. Если можно, то поместите вместо него вот этот... Здесь мои друзья, которые обучали меня на Урале,— Саша Исаков, товарищ Важенин и еще девушка — секретарь комсомольской организации... Снимок немножко намок, правда, но ничего, можно высушить... И привет им передайте, пожалуйста, обязательно, не только им, а всем у вас. Ладно?..

Мы просим извинения у Коли за то, что не можем выполнить его просьбу: снимок был непоправимо испорчен под дождем. Но привет его мы с большой радостью передаем и товарищу Важенину, и Саше Исакову, и секретарю комсомольской организации, девушке, фамилию которой мы не знаем, и всем вообще друзьям товарища Лу Дэ-сина в Советском Союзе.

Почта товарища Вана

Еще в Мукдене на стене вокзального здания мы увидели небольшой плакат: молодой рабочий склонился над станком, внимательно следя за обрабатываемой деталью. Переводчик прочел нам подпись: «Строгальщик Ван Чунлунь, применив свое изобретение, выполнил при поддержке коллектива за год программу четырех лет одного месяца и семнадцати дней».

В инструментальный цех мы попали уже к концу смены. Слева от входа, на огороженной фанерной стенкой площадке, мы увидели выставку, посвященную передовым методам Ван Чун-луня. На стене чертежи, схемы его изобретений (всего их у него девять), множество флажков, вымпелов, присланных в подарок от разных людей и организаций. На столе лежали кипами письма. Их было невероятное количество: пятнадцать тысяч писем только за этот год! Большая географическая карта Китая, прочеркнутая красными шнурочками, показывает, откуда приходят эти письма: из Кантона, Шанхая, Уханя, Лхассы — всего не перечислишь. Один длинный шнурок тянется от Аньшаня далеко на северо-запад, пересекает границу и оканчивается в Москве. Тут же на стене в стеклянной рамке письмо от московских рабочих.

В конце смены Ван Чун-лунь обычно просматривает новую почту. Когда он успевает отвечать, для всех остается секретом. Но он отвечает.

В один из дождливых аньшаньских вечеров, которых так много было этим летом, Ван Чунлунь рассказывал нам, попивая душистый чай из маленькой чашечки:

— Старая мать моя одно время думала, что я немножко сошел с ума. «Зачем,— говорит,— ты допоздна сидишь в своем цехе? Почему дома по ночам не спишь, а что-то придумываешь, мудришь? Завтра,— говорит,— пойду к старому Ли, у него есть настойки, которые помогают от всех болезней». Но я отвечал ей: «К Ли можешь не ходить, мама. Его настойки от моей болезни не лечат...»

Особенно запомнилось Вану его первое усовершенствование, первый успех. Потом он стал думать дальше, учиться.

— Весь цех мне помогал, без этого, конечно, у меня ничего бы не вышло. Домой ко мне стали приходить товарищи по цеху. Моей матери это, между прочим, тоже на пользу пошло. Смотрю, она постепенно ворчать перестала, слушает наши разговоры внимательно. А теперь даже сама иногда говорит: «Ты что это давно ничего не придумывал, нехорошо!» Что тут поделаешь, приходится подтягиваться!..

В детском саду

Рассказ об аньшаньских встречах будет не полным, если не упомянуть о встрече с Ли Ли. Ли Ли — толстый, очень спокойный и очень серьезный человек. Острижен он так, как стриглись в свое время у нас запорожские казаки. Серьезно посмотрев на нас, он поднял правую ногу и сказал: «Синь се!» Потом поднял левую и снова произнес: «Синь се!» Это означало, что он обращает внимание гостей на свои новые кожаные туфли. Затем так же солидно, ни на секунду не теряя чувства собственного достоинства, он повертелся перед нами, демонстрируя новый фартучек и новые штанишки с разрезом сзади. Обилие обновок объяснялось тем, что Ли Ли, как нам сказали, всего лишь третий день в детском саду.

Если бы Ли Ли был сведущ в работе профсоюзных организаций комбината, то, наверное, рассказал бы нам, что он один из восьмисот двадцати обитателей шести детских садов комбината, что, кроме того, существуют 52 детских яслей на 1 400 мест, что сейчас строят еще два детских сада. Но, как и полагается молодому человеку трехлетнего возраста, он вместо этого издал какой-то боевой клич, на который сбежались еще десятка два детишек.

Мы воспользовались моментом, чтобы сфотографировать многочисленных друзей Ли Ли. Однако, когда пленка уже была проявлена,

Когда кончается работа...

мы заметили, что самого Ли Ли на ней не оказалось. Видимо, питая полное равнодушие к славе, он воспользовался суматохой и ускользнул из-под объектива фотоаппарата.

Когда окончится работа дневной смены, за ребятишками придут мамы и в специальных автобусах повезут их по домам...

Конец смены... Гигантский поток людей движется по главной магистрали комбината. Идут доменщики в брезентовых куртках, токари в синих спецовках, мартеновцы с цветными мохнатыми шарфиками вокруг шеи, девушки-работницы в белоснежных рубашках с обязательной вечной ручкой в кармашке, идут прокатчики, строгальщики, водопроводчики — люди различных профессий, крепкие, сильные, здоровые.

Здоровье аньшаньцев — предмет глубокой и всесторонней заботы. Перед входом в цех сидят на корточках человек тридцать и внимательно слушают рабочего в синей спецовке. Тот, держа в руках маленькую записную книжку, что-то горячо говорит. Нам объясняют, что речь идет о технике безопасности. В цехе над станками множество флажков, вымпелов — «Лучшая бригада», «Рабочий-отличник» — и обязательно несколько флажков «За лучшую технику безопасности». Вот стенная газета. Зеленым по черному написано: «Не надо во время жары сосать лед и пить сырую воду».

На территории, окружающей комбинат, нельзя найти свободного места, где не стоял бы щит с баскетбольными сетками. Играют все, от мала до велика. Вернее, когда играют взрослые, малышей не пускают, но зато доверяют им судейство. Как свидетельствует снимок, взрослые беспрекословно слушаются маленьких судей, бегающих по полю со свистками. Тишина на поле стоит образцовая.

Зато хоть отбавляй веселого шума в одном из великолепных санаториев комбината, особенно когда отдыхающие всего корпуса хотят уместиться в маленьком кадрике фотопленки...

* * *

В рельсобалочном цехе на стене висит красочный плакат, изображающий, что делают из металла, поставляемого комбинатом: железные дороги, оборудование для нефтяной промышленности, которой не было раньше в Китае, вышки высоковольтных передач, стальные каркасы новых заводов и фабрик...

Все это богатство производят аньшаньские рабочие, овладевшие техникой, ставшие арсеналом кадров для индустриализации страны, выращенные комбинатом, воспитанные Коммунистической партией Китая, всей новой жизнью великого народа.

В санатории комбината.

Судейство доверяется молодому поколению.

В Гуйлине

(Из китайского дневника)

Константин СИМОНОВ

Мне сегодня всю ночь не лежится,
не спится
здесь, в трехстах километрах от вьетнамской границы.
Пузыри на ногах, руки в струпьях — обожжены,
и лицо полосатое, красное, как у сатаны,
а спина так набита
качаньем коня,
словно в камнедробилке на ситах
крошили меня.
Позабыл, что здесь тропики,
сам виноват!
В первый день шел по тропке,
как бывалый солдат;
ехал — шапки не надевал,
без перчаток поводья держал
и испекся до трещин, как глиняный старый дувал.
Ночью — градусник сунул — под сорок!
А отстать — не догнать!
Каждый час им тут дорог,—
надо их понимать!
Рассказал бы, что болен, проявили б заботу:
лег бы в госпиталь гость.
А тем временем эта пехота
горы все прошагала б насквозь,
по-китайски, с пробежками —
только кружки гремят!
На привалах не мешкая,
в сутки по пятьдесят!
Отлежал бы неделю,
поплелся за ней по пятам,
узнавал бы в политотделе:
— Что было здесь! И что там!
Где сбивали заслон! Где в обход! А где вброд!
Разевал бы при этом, как положено, рот...
Благодарен покорно —
у газетчиков тоже есть гордость!
Рад, что выдержал марку,
что в седле усидел,
как на электросварку,
на проклятое солнце глядел,
но добрался сюда, до Гуйлиня,
то верхом,
то пешком
за семь жарких
и длинных
суток вместе с полком.
Буду после смеяться
над своими несчастьями!
А пока не размяться,
не двинуть запястьями,
вьюка не развязать
как подушки распухшими пальцами.
Если честно сказать,—
даже стыдно перед китайцами!
Хорошо, что мои провожатые
вниз ушли на партгруппу!
Кое-как, в коленях зажатую,
табаком набил себе трубку.
Слышу их голоса —
обсуждают, должно быть, итоги:
что там «против», что «за»
и какие «чп» по дороге.
Переводчик Сюй Дьян, опуская лицо,
говорит, что имелись ошибки — «ю цо!»
А какие ошибки!
Не вспомнишь о них без улыбки:
где-то что-то загнул
раз в три дня в переводе
да однажды заснул
и свалился с коня
без поводьев.
А случись, если надо,
из-под огня бы унес!
Мировые ребята —
люблю их до слез.
Я гляжу за окно —
все оно
крепко взято в решетки, как в Гуйлиньской тюрьме.

Все в железе кругом —
и на первом
и на втором
этаже;
генерал Бай Цзун-си, верно, строя свой дом,
был себе на уме,
да и нервы
сдавали уже,
и, не веря ни в бога, ни в чоха,
ни в охранный свой полк,
даже здесь себя чувствовал плохо
гоминдановский волк.
«Старый тигр гуансийский»,
как его называли льстецы,
словно Врангель российский,
отдавший за море концы!
Говорят, что с утра улетел,
пока цел,
пока бывшим солдатом не взят на прицел,
бывшим, к нам перешедшим,
политграмоту между боями прошедшим,
со своим батальоном,
в пыльной шапке зеленой,
за семь суток похода до логова тигра дошедшим!

От такого при стычке
не получишь пощады
и по старой привычке
не подкупишь наградой
при встрече,
потому что купить его нечем!
Слишком жадный он стал, тот солдат, слишком смелый.

Говорит, что не надо ему ничего,
кроме провинции целой —
Гуанси своего!
Взял две трети,
возьмет и последнюю треть!
А на доллары потные эти
и не захочет смотреть.
Генерал
удирал;
ясно вижу картину
вот этого,
в хлопьях жженой бумаги, двора
в час, когда под Гуйлинем,
с рассветом,
мы дивизией всей
рванули «Ваньсуэй!»
(В переводе на русский — ура!)
Как спешил генерал, как они тут метались, собаки,
набивали в багажники барахло из корзин,
проверяли в машинах все баки —
не подсыпан ли сахар в бензин!
И без памяти гнали,
сигналя,
петляя,
об сундуки
синяки
наставляя,
в чемоданы вжимая то носы, то затылки,
торопясь к той условленной, тайной развилке,
где их на поле ждал третьи сутки подряд
самолет, от жары раскаленный, как ад.
И хотя, ценою потери лица,
этот старый шакал вновь ушел из кольца
и к Тайваню теперь подлетает,
и раз уж удрал он,
то пожить еще, верно, имеет в виду,
все же надо ему посочувствовать: плохо в Китае
стало жить гоминдановским генералам
в этом сорок девятом году!

Во дворе — хоть шаром покати:
стен бетон,
по углам — капониры,
в подземелье — пустая тюрьма...
Скольких стон
умер здесь, не донесшись до мира!
Скольким было
сюда
суждено им войти,
чтоб не выйти
уже никогда!
Сколько здесь посходило
в деревянных колодках с ума,
не дожив до последних событий,
которые мы называем свободой,
называем победой народа,
но которых бы не было тоже,
не будь этой черной каймы
вокруг списка всех павших,
с Кантона еще начиная.
Мороз подирает по коже:
ни конца нет, ни края,
так тот список длинён —
километры имен;
одному человеку,
даже если не спать и не есть,
за всю длинную жизнь, за три четверти века,
половины их вслух не прочесть...

Рано утром заходят
командир с комиссаром полка,
говорят, улыбаясь, по-русски: «Пока!»
Ну, а все остальное пока еще нам переводят.
Переводят,
что полк уже час как в походе,
переводят, что сводка хорошая,
переводят,
что победа близка;
две дивизии вышли к вьетнамской границе,
и войска Бай Цзун-си с ночи заперты на два замка.
Переводят...
Но это я сразу увидел по лицам,
что зашли на минуту, а то не догонят полка.
И опять, но уже без улыбки по-русски «Пока!»,
к козырьку на прощанье рука!
А глаза так полны,
так полны
чем-то очень знакомым, усталым, орлиным,
как у нас, на исходе войны,
под Берлином...

НА ЛИНИИ ОГНЯ

К 50-летию со дня рождения Н. А. Островского

«Я бросился на прорыв железного кольца, которым жизнь меня охватила. Я пытаюсь из глубокого тыла перейти на передовые позиции борьбы и труда своего класса». В 1931 году, когда Николай Островский писал эти слова, он работал над своей первой книгой. Это была давняя, выношенная мечта — написать «историческо-лирическо-героическую повесть» о своем поколении, о великой эпохе гражданской войны и военного коммунизма. Это была и заявка на свое место в строю: «...я спешу уловить каждую минуту, пока чувствую огромное пламя в сердце и пока светел мой мозг». Кровать грозила стать «матрацной могилой», навсегда оторвать от дела, от друзей, от партии. Тяжелее всего признать себя ненужным, выйти из строя. «Главная трагедия — прекращение борьбы». Но побеждает воля большевика, страстное стремление участвовать в гигантском преобразовательном труде народа. «...У меня всегда была цель и оправдание жизни — это борьба за социализм. Это самая возвышенная любовь», — писал Островский. Сменилось оружие — была сабля, стало перо. Но таким же осталось «оправдание жизни».

Уже позднее, когда книга была написана, Островский говорил редактору:

— Понимаешь... это мои солдаты. Я их полководец. Я веду их на врага.

Сохранился экземпляр романа «Как закалялась сталь», обагренный кровью Героя Советского Союза Григория Куропятникова. Эта книга была другом экипажа катера. В разгар Великой Отечественной войны с фронта писали: «Что делается с книгой «Как закалялась сталь»! Читают ночью в землянках, в блиндажах. Конечно, освещения у нас нет, но приспособили лучины, светят ими и читают вслух». Это была высшая проверка и высшее признание труда писателя. Миллионы экземпляров книги, эти солдаты армии Островского, учили любви и ненависти, поднимали дух, вселяли мужество. Корчагин стал примером и путеводной звездой для нескольких поколений советской молодежи. Покоряли горение его души, мужественная сила поступков. «Вы написали нужную для жизни книгу»,— говорили Николаю Островскому читатели первых ее изданий в героические годы пятилеток; но вот вырастает новое поколение, и в захваченном фашистами Краснодоне Олег Кошевой читает друзьям отрывки из «Как закалялась сталь». Рассказ о былом для грядущего, для того, чтобы у молодежи в грядущих схватках не дрогнула рука, говорил Островский о своей книге. Он хотел, чтобы она сохранила для будущего живой и вдохновляющий образ поколения победителей.

«Горящий факел активности», — сказал Ромэн Роллан об Островском. С величайшим вниманием следил Островский за жизнью страны, участвуя в ней не только своим трудом писателя, но и выступлениями по радио, обширной перепиской. Письма шли в Москву, Ленинград, Харьков, Шепетовку, Грозный. Он требует от друзей сведений о их жизни, подробного рассказа обо всем том, что им доводится видеть и пережить. «Ты должна мне написать большое письмо»; «Что ты делаешь, дружище, чем заполняешь свои дни?»; «Напиши про наших общих знакомых, где они?»; «Пиши о всех своих делах и прочем...». Эти просьбы и призывы раздаются в каждом письме. Он дает шутливые наказы: «Веди себя, мой милый, в Ленинграде хорошо, как подобает хорошим парням. Побольше занимайся наукой и поменьше в оперетту». Островский обижается, что ему запоздали сообщить о женитьбе друга, а получив в Сочи комнату, сейчас же начинает настойчиво звать к себе в гости: «Отпуск проведешь у нас, в своей второй семье», «Жду тебя, мое серденько. Очень жду».

В письмах Островский постоянно делится своими планами. Мироощущение его оптимистично в самом глубоком и полном смысле этого слова. В тяжелые минуты физических страданий он пишет жене: «Итак, да здравствует упорство! Побеждают только сильные духом! К чорту людей, не умеющих жить полезно, радостно и красиво! К чорту сопливых нытиков! Еще раз да здравствует творчество!»

Он старается не обременять никого заботами о себе. Единственное исключение из этого правила делается для его рукописей. Островский рассылает их и требует: критикуйте! помогайте! «Для меня самая горькая правда всегда лучше сладкой лжи».

«Надо оберегать высокое звание писателя Советской страны». В эти слова Островский вкладывал многое, очень многое. Любимая его мысль — о нерасторжимой связи жизни и слова, поступков и проповеди. Он утверждал новый тип писателя-бойца, «Человека с большой буквы». Снова и снова Островский возвращается к волнующим его вопросам ответственности писателя за свой труд перед народом. «Работать честно» — вот требование, которое он предъявлял к себе и к собратьям по перу.

«...Писатель выдвинут на передовую линию огня». Так понимал Островский задачи литературы в нашем обществе. Он зло говорил о тех, кто плетется «в обозе третьего разряда». Только тот сможет создать «правдивую, волнующую, зовущую книгу», кто идет в передовых колоннах наступления, горит страстью борьбы, мучается поражениями и вместе со всем народом радуется победам. Это была для Островского основа основ. «Зажечь сердца» может только строитель жизни, а не равнодушный созерцатель. Но для этого, прибавлял писатель, надо еще «знать свое оружие и уметь им владеть».

Часто Островский работал по 10, 12 и больше часов в сутки. Он правил написанное, добиваясь яркости образов, выразительности письма. Когда первая книга вышла уже несколькими изданиями, он огорчался, что никто раньше не подсказал ему убрать из текста «изумрудную слезу». Овладение словом было трудной, может быть, одной из самых трудных ступеней. Но, как бы ни было ему тяжело, Островский отвергал предложения передать свою книгу «для обработки» маститым писателям.

В период создания романа «Рожденные бурей» автор был особенно озабочен психологической достоверностью некоторых образов этой книги. Его тревожило, не закралась ли в нее фальшь, выдержан ли тот критерий правды, которым он всегда поверял свой труд. О романе «Как закалялась сталь» Островский говорил: «Книга дает то, что было, а не то, что могло быть. В ней суровое отношение к правде». В правдивости этой книги одна из причин ее всенародного признания. В этом же залог и вечной молодости книги. Павел Корчагин навсегда остался спутником и другом новых поколений молодежи. Он попрежнему окрыляет силой своей любви и ненависти, бессмертным подвигом своей жизни.

Островский черпал силы и вдохновение для работы из окружающего его мира. Творческая смелость советских людей, рушащих старые каноны и представления, меняющих облик страны, облик человека, укрепляла его в замысле стать писателем. Каждый день приносил вести о трудовом героизме. Невозможное становилось возможным, и самый воздух, которым дышал Островский, будил в нем творческую энергию и дерзость. «У нас не талантливы только лентяи»,— заявлял писатель. Так он чувствовал время, его новаторский дух.

Еще при жизни писателя книги его шагнули далеко за рубежи нашей Родины, и на весь мир прозвучали слова из письма Ромэн Роллана: «Вы составляете единое целое с Вашим великим, воскресшим и освобожденным народом. Вы сочетались с его могучей радостью и неудержимым порывом. Вы в нем, он в Вас». И сегодня мы с законной гордостью узнаем, что Корчагин везде, где горит пламя народной освободительной борьбы. «Товарищ Островский — маяк в жизни, наш учитель», — читаем мы слова наших китайских друзей.

Островский писал: «В нашу насыщенную грозами эпоху требуются стальные характеры с предельной выносливостью». Люди этой грозовой эпохи оживали на страницах его книг. Таким характером обладал и он сам. Ничто не заставило его сойти с «линии огня». На вопрос, откуда в нем эта сила жизни, Островский ответил: «Я — маленькая капелька росы, в которой отразилось солнце партии». Он называет своих учителей, давших ему пример несгибаемой стойкости, несокрушимой воли, — старую большевистскую гвардию. Из его рук молодежь принимает сегодня эстафету поколений. Через годы доходит к ней голос Островского, отвечавшего на тысячи писем своих юных читателей: «Я горячо жму ваши руки. Ваши молодые сердца должны почувствовать биение моего сердца. Для вас я живу».

И. КРАМОВ

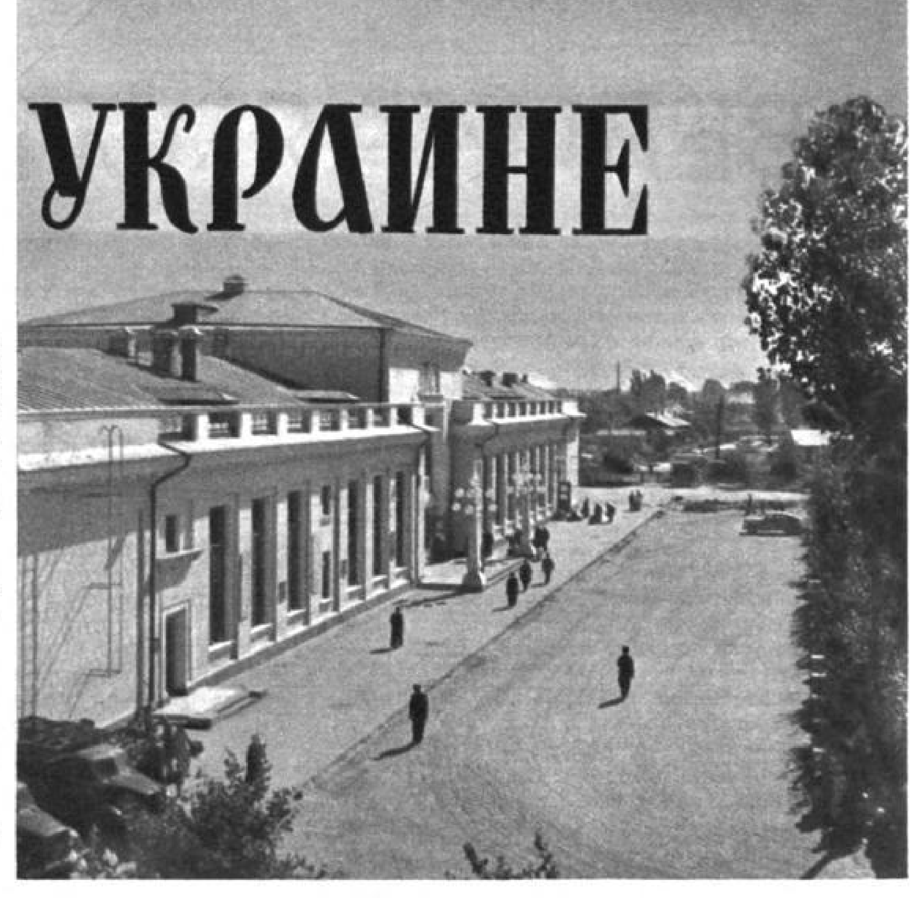
ГОРОДОК НА УКРАИНЕ

Миллионы читателей книги Н. Островского «Как закалялась сталь» запомнили описанную автором Шепетовку того времени, с хибарками бедняков и барскими особняками на главной улице. В этом городке прошли детство и юность писателя, здесь рос и действовал любимый герой молодежи Павка Корчагин.

...Поезд подходит к ярко освещенному перрону. Всюду зелень и цветы. Приезжие с интересом осматривают шепетовский вокзал. Около сорока лет назад здесь, в кухне станционного буфета, работал Николай Островский. Но старого здания нет и в помине, построен новый, красивый вокзал.

Нынешняя Шепетовка разрослась, появились каменные здания, по городу курсируют автобусы. Чтя память своего земляка, жители Шепетовки назвали его именем улицу, школу, городской кинотеатр, молодой парк, посаженный после минувшей войны. В музее собраны документы и экспонаты, рассказывающие о жизни замечательного писателя-коммуниста.

Этот музей, размещенный в центре города в старинном одноэтажном доме, ежегодно посещает до двадцати тысяч человек. В нем часто бывают герои книги «Как закалялась сталь», люди, близко знавшие Островского; здесь происходят интересные встречи с читателями. С групповой фотографии двадцатых годов смотрит на посетителей председатель Шепетовского ревкома Иван Семенович Линник, описанный в романе под фамилией Долинника. Иван Семенович и сейчас живет в Шепетовке.

Новый вокзал в Шепетовке.

В музее собрались старшеклассники средних школ, студенты техникума и вечерней медицинской школы. Иван Семенович возвышается среди молодежи, как гора.

Экскурсанты склонились над документом, хранящимся под стеклом. Документ датирован июлем 1920 года и представляет собой четвертушку серой бумаги, на которой напечатано удостоверение: «Предъявитель сего сотрудник Шепетовского Волревкома Николай Островский действительно командируется в оставленные буржуями дома для сбора в них книг, что удостоверяется. Председатель Волревкома Линник».

— Была такая история, — басит Иван Семенович. — Тогда собрали около четырехсот книг для нашей первой библиотеки.

Так завязывается один из поучительных рассказов о юношеских годах писателя. Николай Островский с детства жадно тянулся к знаниям. Об этой черте его характера ярко и убедительно свидетельствуют различные документы и высказывания.

С первых же дней Советской власти в Шепетовке, выполняя партийное поручение, Островский взялся за создание народной библиотеки. Сейчас в его родном городе три библиотеки с общим книжным фондом около шестидесяти тысяч книг. Районная библиотека для взрослых помещается в том домике, где жили Островские в 1915—1916 году.

Пятидесятилетие со дня рождения писателя тепло отмечается в Шепетовке. В школах, рабочих клубах, библиотеках проходят вечера, читательские конференции. Музей подготовил к изданию сборник «Н. А. Островский в портретах, иллюстрациях и документах», сотрудники музея читают лекции на темы: «Н. Островский — писатель-коммунист», «Н. Островский — комсомольский работник на Подолии». С воспоминаниями выступает И. С. Линник.

Николай Островский писал: «Самое прекрасное для человека — всем созданным тобой служить людям и тогда, когда ты перестанешь существовать». В любом уголке нашей Отчизны в сердцах советских людей живет неугасимый интерес к произведениям Островского, к его героям, к жизни самого автора, ставшей образцом самоотверженного служения Родине.

В. ШУМОВ

Фото Н. Козловского.

В парке имени Н. Островского.

Музей Н. Островского.

Иван Семенович Линник беседует с молодежью.

ВЕЛИКАЯ СИЛА

Рассказ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рисунок О. Верейского.

Знаменитый советский ученый профессор Иван Ефимович Сердюков выехал в Китай. Его пригласили проконсультировать вскрышные работы на богатейшем месторождении каменного угля, недавно открытом китайскими геологами.

В Москве перед отъездом он строптиво заявил министру:

— Две недели, не больше, — и поспешно добавил: — Учтите: вместе с дорогой.

— Как вам угодно, Иван Ефимович, — сказал министр. — Вы сами планируете свое время.

Иван Ефимович Сердюков считался одним из крупнейших специалистов по взрывным работам. Его слова о том, что горняки будут работать при солнечном освещении, не были только крылатой фразой.

На лекции он говорил студентам:

— Законы, управляющие волной взрыва в области, занятой сферами сжатия и разрушения, еще неизвестны. Открыть их — наша задача. Поэтому, производя даже самые простые взрывные работы, но исследуя их результаты, каждый из вас может набрести на след закономерности.

Где бы в Советском Союзе ни производили массовые взрывные работы, там всегда появлялся Сердюков.

...На Пекинском аэродроме Иван Ефимович сразу же заявил встретившим его товарищам, что хочет немедленно ехать на строительный объект, так как располагает чрезвычайно ограниченным временем. Но на стройке Иван Ефимович прожил больше двух месяцев и, хотя множество раз назначал день отъезда, в последние минуты все откладывал.

Сегодня он уже не находил причин, чтобы задержаться, и с утра испытывал недовольство и раздражение. Втайне ему очень хотелось увидеть своими глазами, как прибывшие из Советского Союза экскаваторы будут брать первый уголь из открытых карьеров.

Шел дождь. Строительная площадка, где вся почва вздыбилась, словно после землетрясения, была закрыта трепещущей пеленой.

Сердюков и начальник строительства Сюн Пэн сидели в домике, специально построенном для Сердюкова, и пили зеленый чай из чашек, сделанных из резной скорлупы кокосового ореха.

— Когда кончится этот проклятый дождь? — спросил профессор, косясь на окно сердитыми темными глазами.

— Через два месяца, — мягко сказал Сюн Пэн.

— Снег всегда лучше, — пробормотал профессор.

— На севере у нас, как в России, много снега, — утешил Сюн Пэн.

— Хорошенький февраль! — брюзжал профессор. — В такую погоду лучше всего спать завалиться, а не трястись черт знает по какой дороге. — И он с надеждой посмотрел на Сюн Пэна.

Сюн Пэн знал, чего ждет от него Сердюков. За многие дни совместной работы он разобрался в своеобразном характере профессора и давно уже стал испытывать к нему почти сыновнюю привязанность.

Тринадцатилетним подростком Сюн Пэн воевал в партизанском отряде. Потом пять лет был бойцом Народно-освободительной армии. В Яньани он окончил военную академию. Командовал ротой, батальоном, полком. После освобождения страны поступил в Народный университет. Волевой, смелый, талантливый человек, он закончил университет досрочно. За все годы учения Сюн Пэн спал не больше четырех часов в сутки. Его назначили начальником огромного строительства не случайно. В 1938 году в освобожденном районе разразилось бедствие: наводнение разрушило дамбы. Командование поручило Сюн Пэну возглавить работы по восстановлению ирригационных сооружений, дав срок четыре месяца. Больше трехсот тысяч человек участвовало в работах. Сюн Пэн организовал их труд так, что все строительство завершилось за два месяца. Он талантливо использовал народный строительный опыт и смело осуществил предложенные им самим технические новшества.

Еще в университете Сюн Пэн познакомился с трудами профессора Сердюкова. Они были проникнуты одной страстной и высокой мыслью: обратить могучую энергию взрывчатых веществ на пользу созидательного мирного творчества народа.

Сюн Пэн представлял себе этого советского ученого человеком необыкновенным: величественным, с прекрасным, добрым и одухотворенным лицом.

Но когда Иван Ефимович прибыл на стройку, Сюн Пэн растерялся.

Перед ним был человек с сердитым лицом, лысый, с лиловым румянцем на обрюзгших щеках. Коричневый плащ плотно облегал выпиравший живот. В одной руке профессор держал портфель, из которого торчала никелированная крышка термоса, в другой — свернутое драповое пальто.

Хриплым, неприятным голосом Сердюков упрекал переводчика, прибывшего с ним из Москвы:

— Что ж это вы, молодой человек, язык знаете, а культуру народа не знаете! Пагода построена мастером Ли Цзюнем 1 300 лет назад. А вам это неведомо... Нужно книги читать! Там все написано! Безобразное невежество!

Сюн Пэн проводил профессора в его домик. Профессор, оглядываясь на сопровождающих людей, спросил шепотом:

— Другой выход здесь имеется? — И, взяв Сюн Пэна за руку, внезапно улыбнулся ласково и просительно: — Знаете, голубчик, давайте сразу удерем на площадку, погуляем, познакомимся, а?

Голубые, в лиловых мешочках, маленькие глазки профессора приняли детское, умоляющее выражение.

— Вам все приготовлено для отдыха...

— Хоть беглым взглядом окинуть площадку... Для мыслей на сон грядущий... — упорствовал профессор.

Сюн Пэн колебался.

Но Сердюков уже обрадованно заговорил:

— Вижу, вы настоящий строитель, с огоньком, — и наставительно добавил: — Строительство — это все равно что сражение. Природа, она ух какой коварный противник! У нее всегда в запасе против нас какие-нибудь подлости припрятаны. Разгадать их — это не только наука, но и искусство.

Почти до ночи Сердюков ходил с Сюн Пэном по территории стройки. Потом они поднялись на высокий холм, где стояла древняя пагода. Глядя на котловину, дно которой было выстлано гигантскими пластами каменного угля, Сердюков задумчиво произнес:

— Породу стряхнуть не очень затруднительно, потом скреперами пройтись — и полная чаша добра. Богатства неисчислимые! — И, обернувшись к Сюн Пэну, сказал: — Счастливчик вы! Таким делом командовать! Перспективы величайшие.

На рассвете к Сюн Пэну пришел начальник участка и сообщил, что профессор сидит у проходчиков в минной камере.

— Вы уж извините меня, — сказал Сердюков Сюн Пэну, — не терпелось на подготовительные работы взглянуть. — И, похлопав по голому плечу рослого проходчика, восторженно заявил: — Ох, и головастый мужик, этот Цзян! Такую минную галерею можно на строительной выставке показывать. — Отдавая рабочему лопату, он пояснил сконфуженно: — В Москве под радио всегда зарядку делаю. А здесь без музыки, но тоже очень полезно для здоровья...

В течение нескольких дней профессор ознакомился детально со всеми условиями, в которых будет произведен массовый взрыв для вскрытия угольного пласта. Он сделал очень немного поправок в плане, разработанном Сюн Пэном.

Весело поглядывая на начальника строительства, Сердюков говорил:

— Вы артистически рассчитали комбинированные заряды. Экономно, по-хозяйски. После выброса песчаник можно будет использовать для жилищного строительства. — И, хитро сощурясь, произнес доверительно: — Не будь вы представителем иностранной державы, я бы вас сегодня же похитил к себе в аспирантуру. — Откинувшись на спинку стула, он хохотал и, потирая руки, говорил: — Беседовал я со взрывниками. Большие искусники! Спрашиваю: «Где учились?» Смеются: «На японских блокгаузах и дотах». Говорят, почти во всех деревнях были кружки по обучению минеров. Вот это я понимаю, широкая подготовка кадров!

— Я сам командовал такой группой минеров, — с улыбкой подтвердил Сюн Пэн.

На стройке находился также советский геолог Григорий Григорьевич Панкратов. Высокий, худой, жилистый, молчаливый, он работал в Китае по приглашению народного правительства четвертый год. Привыкнув к кочевой жизни геолога-изыскателя, хорошо зная китайский язык, он жил со взрывниками в бараке и пользовался их дружбой. За свою неутомимость и рост он получил прозвище «Железная пагода».

Так же, как Сюн Пэн, Панкратов большую часть своей жизни провел в армии. Он был солдатом на Халхин-Голе. В Берлин пришел подполковником.

Сюн Пэн очень ценил Панкратова за его глубокие знания. Когда Сюн Пэн предоставил Панкратову специальный коттедж на строительстве, тот тщательно осмотрел домик. Потом заявил радостно:

— Для читальни подходит вполне! — И, больше ничего не сказав, ушел к своим взрывникам.

Панкратов сообщил профессору при первом знакомстве:

— Я вас уважаю за хороший метод торпедирования скважин.

— И больше ни за что? — улыбаясь, спросил Сердюков.

Панкратов задумался, потом произнес убежденно:

— Для моего дела это у вас самое главное.

Геологическая карта, составленная Панкратовым, вызвала восхищение профессора. Он шумно восклицал:

— Да вы замечательный, тонкий исследователь!

Панкратов со скучающим выражением выслушал похвалу и спросил:

— Вы всё запомнили, что сейчас говорили? — И пояснил удивленному и даже несколько обиженному Сердюкову: — Я же не один эту карту составлял, а вместе с китайскими товарищами. Очень приятно будет, если вы всё это им лично потом скажете.

Вместе с Панкратовым Сердюков совершил несколько путешествий по предгорной долине, где находилось множество деревень. У Панкратова имелась собственная цель, когда он увлекал профессора в эти походы. И он добился своего. Профессор вернулся из очередного путешествия по долине очень взволнованным. Разыскав начальника строительства, он сказал ему заискивающе:

— Дорогой мой! Может, у вас найдется

немного времени пройтись еще разок по вашим расчетам?

— Вы обнаружили какую-нибудь ошибку? — встревожился Сюн Пэн.

Профессор сказал испуганно:

— Ни настолечко! Но, может, мы найдем пути для некоторой экономии взрывчатки.

— Значит, я все-таки в чем-нибудь ошибся? — настойчиво повторил свой вопрос Сюн Пэн.

Профессор объяснил:

— Понимаете ли, какая история... Товарищ Панкратов, он очень хороший геолог, заметил, что здесь весной горные потоки часто затопляют крестьянские поля, а летом вода — на вес золота. Ну так вот, он обнаружил отличную впадину. Показал мне ее. Совсем немного взрывчатки — и можно эту впадину превратить в очень приличное водохранилище.

Сюн Пэн и Сердюков, проверив заново расчеты, нашли возможность выделить за счет экономии необходимое количество взрывчатки.

Хотя взрыв, открывший доступ воде к выемке, и не был очень значительным по силе, в результате его образовался почти готовый канал для прохода воды. Профессор торжествующе говорил:

— Видите, каждый грамм взрывчатки сработал, — и, обращаясь к Сюн Пэну, рассуждал: — Конечно, массовые грандиозные взрывы — это академия для каждого из нас. Но есть множество обычных взрывных работ, заменяющих тяжелые процессы труда. Каких мастеров я встречал среди наших взрывников, работающих малыми зарядами на корчевке пней, на уборке валунов, на ликвидации заторов при сплаве леса! Даже, представьте себе, во время лесных пожаров применяют взрывчатку, чтобы мгновенно проложить просеку, препятствующую огню. В Донбассе тоже есть мастера этого дела: дробят взрывчаткой застывший металл в доменных печах, шлак при ремонте мартенов. А полярники? Целые магистрали прокладывают во льдах для караванов судов!

Когда профессор узнал, что Сюн Пэн применил небольшие взрывные заряды для образования в минных колодцах полостей, чтобы разместить в них расчетные заряды, он долго тряс Сюн Пэну руку и с гордостью сказал:

— Вот, дорогой мой! Вы сэкономили тысячи часов человеческого труда. Теперь проходчики дадут вам дополнительно несколько сот метров минных галерей, — и радостно воскликнул: — Умница вы!

Могучие взрывы разбрасывали и разламывали днище межгорной котловины.

После каждого массового взрыва профессор с палкой в руке ходил по площадке и обследовал результаты. И если взрыв отдельного заряда оказывался неудачным, он багровел и кричал:

— Нужно плотнее укладывать забоечный материал! Хлопки получаются. Что мы тут, горных козлов решили пугать?

Переводчик убеждал профессора:

— Иван Ефимович, вы извините, но вы не имеете права здесь командовать и тем более говорить таким тоном.

— Это верно, — сокрушенно соглашался профессор и, обращаясь к начальнику строительства, говорил:

— Товарищ Сюн Пэн! Прошу великодушно простить. Язык мой — враг мой, как говорится. Характер у меня, знаете, подлейший в смысле невыдержанности, даже иногда служил предметом обсуждения в коллективе института. Услышу хлопо́к, словно меня молотком по темени стукнут, такая ярость берет...

На площадку прибывали отряды строителей. Это были крестьяне из соседних провинций. Они приходили сюда не по зову вербовщиков: каждый был торжественно избран на общем собрании односельчан после тщательного обсуждения всех личных его достоинств и недостатков. У каждого был прикреплен на груди почетный знак этого высокого избрания — пунцовый бумажный пион, украшенный шелковыми лентами.

Многие бережно держали в руках свитки со своими жизнеописаниями, составленными деревенскими активистами и скрепленными большой красной печатью старосты. Эти жизнеописания были составлены с дотошной обстоятельностью.

Вот, например, характеристика молодого крестьянина Гао Чэн-чжи, написанная деревенским учителем:

«Он жизнерадостен, как ручей. Способен переносить трудности, как высокогорная сосна. Но, не будучи членом Новодемократического союза молодежи, не наделен качествами коллективизма и скромности. В праздник луны он вспахал поле вдовы Ляо в два дня, но потом две недели хвастался перед односельчанами своей силой, недоучитывая патриотизма, проявленного им в оказании помощи вдове. Но вместе с тем, когда ремонтировали плотину, он отдал весь камень, из которого был сделан забор вокруг его фанзы».

Тысячи строителей пришли сюда за многие сотни километров. Они принесли с собой плетни из гаоляна и бамбука и почти мгновенно сложили себе жилища. Из полых бамбуковых стволов соорудили водопровод. Между бараками разровняли площадки для волейбола. Уже в пути крестьяне разбились на бригады, и в каждой бригаде имелись повара, культурники, санитарные, спортивные уполномоченные.

Профессор был восхищен великой самодеятельностью, организованностью народа.

Этот поразивший Сердюкова дух коллективизма китайских крестьян был воспитан за многие годы освободительной войны, в которой они почти все участвовали, находясь или в партизанских отрядах или в народной самообороне.

В один из вечеров профессор прочел лекцию пятидесяти тысячам рабочих о механизации трудоемких работ в Советском Союзе. Он читал эту лекцию, стоя на трибуне, сооруженной из бамбуковых стволов, высотой более пятнадцати метров. Говоря о работе сотен тысяч крестьян, прокладывающих в горах дорогу к стройке, профессор заключил взволнованно:

— У меня такое ощущение, словно я вновь увидел всенародное строительство Ферганского канала, где труд и праздник слились воедино...

На одном из участков стройки обнаружилось, что твердая скальная плита прикрывает значительную часть залегания угольного пласта. Сюн Пэн разработал схему направленного взрыва, для того чтобы разрушить скальную плиту.

Нечто подобное Сердюков применил сам в 1943 году, заложив одновременно 1 004 тонны взрывчатки, взрывом которой было выброшено 220 тысяч кубометров породы.

Сложность подготовки этого взрыва заключалась в том, чтобы сотрясением почвы не вызвать обвала в горах, где проходила дорога. Профессора тревожила возможность оползней. Кроме того, он беспокоился за пагоду.

— Это было бы преступлением — развалить такое дивное сооружение рук человеческих! — кричал Сердюков на Панкратова. — Дайте мне полную геологическую картину!

Профессор, шагая по комнате, говорил Сюн Пэну:

— Риск существует в любом строительном деле. Свести его к минимуму — задача науки. Нужно искать, искать наилучшее решение.

Однажды ночью к профессору явился Панкратов. Он пришел с гор усталый и, хмуро глядя на Сердюкова, сказал:

— У меня был друг и учитель, инженер-полковник Васильченко Василий Владимирович. Он много занимался взрывным делом.

— Никогда не слышал о таком,— сердито пробормотал профессор.

— Он погиб, разряжая новую немецкую бомбу замедленного действия. Так вот, я прошу, взгляните на досуге на его заметки.

И Панкратов вынул из полевой сумки небольшую тетрадь в обложке из тонкого алюминия.

— Ладно, оставьте,— сказал профессор.

Последнее время с его лица не сходило раздраженное, брюзгливое выражение.

А на рассвете в дверь домика Сюн Пэна нетерпеливо стучался профессор. Когда Панкратов вошел в кабинет начальника строительства, профессор бросился к нему со словами:

— Как вы смели до сих пор держать втуне вот это?

Он показал рукой на лежащую на столе тетрадь в обложке из авиационного алюминия.

Панкратов, глядя в глаза Сердюкову, ответил:

— Во время обороны Сталинграда и потом, в период наступления, командование дало строжайший приказ инженерным частям, чтобы при взрывах укрепленных пунктов врага ни в коем случае не страдали гражданские жилища и здания, имеющие историческую ценность. Инженер-полковник Васильченко всегда точно выполнял приказы своего командования.

— Но вы поймите, это же поразительно одаренный человек! Он создал новые формулы!..— восклицал профессор.

— Для того, чтобы побеждать на войне, нужно было все время искать новое,— невозмутимо закончил Панкратов. Он бережно взял тетрадь в руки и тихо проговорил:— Знаете, Иван Ефимович, инженер-полковник Васильченко всегда считал себя вашим учеником.

Формулы полковника Васильченко вошли в основу расчетов по взрывным работам в районе залегания скальной плиты.

Через восемь дней в шесть часов утра в воздух поднялись ракеты, и через полчаса один за другим почву котловины сотрясли четыре мощных взрыва.

За час до проведения взрывных работ профессор исчез из своего домика. Панкратов разыскал его на холме у подножия пагоды.

Он возмущенно крикнул Сердюкову:

Славлю Пекин

ЛЮЙ ЦЗЯНЬ

Как могу о тебе не петь я,
героический мирный город!
Над тобою тысячелетья
пролетели,
но вновь ты молод!

И к тебе обращают лица
миллионы сынов Китая
из краев, где хлеб колосится,
где сады шумят, расцветая...

Первый день октября.
Колонны
бесконечным идут потоком,
танки движутся непреклонно,
самолеты в небе высоком...

Сколько ныне цветов в Пекине,
сколько радости, сколько света!
Голубь кружится в ясной сини,
дети подняли вверх букеты.

Гул салюта...
И эхо мчится,
как привет моего народа,
через горы, через границы,
через рощи и через воды.

Не боясь репрессий жестоких,
в эту славную годовщину
из колоний, знойных, далеких,
люди шлют посланцев к Пекину.

Поздравляют его сердечно,
слово дружбы ему приносят
и, как клятву, на всех наречьях
«Миру — мир!» они произносят.

Как не петь о тебе, герое!
Мы едины с народной властью!
Ты с Москвою,
как брат с сестрою,—
крепость мира,
труда
и счастья!

Перевел с китайского
С. БОТВИННИК.

— Ну что за мальчишество, а если бы пагода того... рухнула?!

Профессор смущенно улыбался и говорил извиняющимся тоном:

— Знаете, очень удобная возвышенность для наблюдения.— И вдруг, рассердившись, стал кричать на Панкратова:— Вам, молодой человек, давно уже пора в аспирантуру идти, а вы все по горам со своим молоточком лазите!

На вездеходе к пагоде подъехал Сюн Пэн. Он предложил осмотреть дорогу, прокладываемую к стройке.

Дорогу прорубали в каменных склонах гор сотни тысяч людей. На тачках с высокими деревянными колесами, в корзинах, подвешенных к коромыслам, на носилках люди переносили тысячи тонн щебня и насыпали его террасой, похожей на каменный водопад.

Огромную сверкающую светлосерую гранитную глыбу, высеченную из валуна, несли на бамбуковых стволах тридцать — сорок человек легкой семенящей поступью. Из таких глыб строился виадук.

Вначале виадуки предполагалось делать из стальных ферм. Но Сюн Пэн изучил древний арочный мост, построенный более тысячи лет назад мастером Ли Цзюнем, и разработал новый тип каменного моста, в основу которого положил архитектурный принцип Ли Цзюня. Для страны были сэкономлены сотни тысяч тонн стали.

Мосты построили за шесть месяцев. По этим циклопическим мостам уже катились грузовики с механическим оборудованием для стройки. Лязгая гусеницами, проползали экскаваторы, на огромных платформах тягачи волокли паровые турбины, электромоторы и какие-то многотонные механизмы, поставленные на бревна.

Рабочие, которые кололи щебенку для покрытия дороги, брали камень петлей из бамбуковой согнутой планки. Они действовали ею, как щипцами, и при ударе молотком камень только раскалывался, но не разлетался в разные стороны. Эти щипцы-петлю придумали плетельщики шляп из Ханчжоу. Они же придумали своеобразные совки-корзины для подносчиков камня.

Всё это и множество других талантливых народных выдумок примечал Сердюков, когда ехал по строящейся горной трассе.

Оборачиваясь к Сюн Пэну и Панкратову, он говорил задумчиво:

— Всё-таки нет ничего могущественнее энергии народа, когда он работает на себя!

...И вот сейчас начальник строительства Сюн Пэн и профессор Сердюков сидят за столом друг против друга и говорят о погоде.

— Размоет дорогу,— раздраженно говорит Сердюков.— Придется всю ночь сидеть в машине. Знаю я эти горные дороги.

— Но ведь пекинские товарищи приехали, говорят, дорога в порядке,— грустно произносит Сюн Пэн.

— А им на стройке пробыть лишний день, думаете, большое удовольствие? — сердится профессор.— Это для нас с вами лучше стройки ничего нет!

Профессор кряхтит, фыркает и наконец, не выдержав, заявляет:

— Знаете, что я вам скажу? Берите зонтик или что хотите и давайте пройдемся еще раз по площадке. Сделайте такое одолжение!

Профессор поднялся и, упершись рукой в стенку, стал шумно набивать на ноги галоши.

Шел сильный ливень. Сюн Пэн и Сердюков бродили по дну котловины, развороченной взрывом. И среди этого, казалось, первобытного хаоса гудел низкий голос Сердюкова:

— Смотрите, Сюн Пэн, уголек уже сияет. Омыло дождем. Красота какая! Наступать ногами даже на него совестно.

Сюн Пэн звонко и радостно говорил:

— Иван Ефимович, скреперы пришли. Может, пойдем посмотрим? Пожалуйста!

— Обязательно,— басил профессор.— Они живенько отсюда весь мусор соскребут — усердная машина.

Профессор поднял с земли кусок угля и, положив его в карман, объяснил:

— Для коллекции.— Потом он сказал: — Вы подумайте, Сюн Пэн! Сколько веков грозная энергия взрыва была только средством уничтожения людей и разрушала плоды их труда! А мы обратили ее в великую силу творческого созидания и заставили вот так могущественно работать на нас.

Вечером возле управления строительством стояла вереница машин. В большом зале заседаний был накрыт стол для прощального банкета.

Панкратов заглянул в зал и, не найдя там ни профессора, ни Сюн Пэна, пошел их искать.

Он нашел обоих в комнате чертежников. Сюн Пэн, развернув на столе кальку, на которой была изображена схема угольного карьера, говорил взволнованно:

— Главная задача — сразу же осуществить полный цикл!..

— Иван Ефимович, там народ собирается, вас ждут,— сказал Панкратов и махнул головой в сторону, где находилось здание главного управления.

Не поднимая глаз на Панкратова, профессор сердито ответил:

— Не мешайте! Садитесь, слушайте, что он говорит, и не мешайте! — И, обратившись к Сюн Пэну, нетерпеливо попросил: — Ну, ну, дальше...

Панкратов сел на стул, положил ногу на ногу, закурил и стал молча смотреть в окно, в которое беспрерывно стучали струи ливня. И лишь когда Сюн Пэн кончил излагать свои соображения — они касались уже добычи угля на вскрытом месторождении,— все трое поднялись и пошли к ярко освещенному зданию управления строительством.

Гу Юань. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МАО ЦЗЭ-ДУН БЕСЕДУЕТ С КРЕСТЬЯНАМИ.

Ли Цюнь. ЧЛЕН ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ВРУЧАЕТ НАГРАДЫ КРЕСТЬЯНАМ СТАРОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БАЗЫ.

Удивительный талант

ЭМИ СЯО

Имя Ци Бай-ши, 93-летнего художника, известно далеко за пределами Китая. Необыкновенный мастер кисти, он развивает и совершенствует китайскую народную традицию живописи, следуя в ней лучшему, реалистическому. Пишет Ци Бай-ши исключительно живо, стремясь передать движения, пусть это будет хотя бы цветок, ветвь дерева... Художник специально кормит у себя дома множество птиц, рыб, раков, даже насекомых, чтобы часами наблюдать за ними. А потом он идет в свой кабинет и пишет увиденное.

Ци Бай-ши уже было более сорока лет, когда он совершил несколько путешествий по стране — на север и на юг Китая. Он побывал в Сиани, Пекине, поднимался на знаменитые горы Хуашань, Тайшань, Суншань, Лушань, Шушань, плавал по рекам Янцзы, жемчужной Хуанхэ, по самому большому в Китае озеру Дунтин. Во время этих путешествий художник написал больше 50 картин, в которых страстный патриот воспевает прекрасные горы и воды Китая.

Замечательна биография Ци Бай-ши. Родился он в 1861 году в провинции Хунань, в семье деревенского бедняка. Мальчик учился в сельской школе только полгода, и, так как у семьи не было средств платить за учебу, да и требовались рабочие руки, он вынужден был стать пастухом. Отец учил его также пахать землю. Но слабому здоровьем подростку это оказалось не под силу, и тогда его послали в ученики к плотнику.

В 15—16 лет Ци Бай-ши пристрастился к резьбе по дереву и с необыкновенной прилежностью изучал и копировал разные рисунки. К 20 годам Ци Бай-ши стал уже известным мастером резьбы, кроме того, он умел рисовать портреты, передавая в тончайших линиях черты лица, фигуру, детали одежды. В 27-летнем возрасте он увлекся классической поэзией и начал писать стихи.

В период интервенции в Китае, при господстве гоминьдана, Ци Бай-ши пережил много тяжелого. Горячая ненависть к врагам народа, к эксплуататорам, к продажным чиновникам заставляла Ци Бай-ши сопровождать свои рисунки едкими сатирическими стихами. Вот одна из его строф о чиновнике:

Не падаешь, потому что сделан из глины,
И когда вдруг разобьем тебя,—
Где же в теле твоем сердце?!

После освобождения Пекина Народно-освободительной армией, после установления Китайской Народной Республики старейший художник словно помолодел. Он встречается с членами правительства. Его приглашают в Центральный институт художеств преподавать, его избирают председателем Ассоциации китайских художников.

В 1953 году, когда Ци Бай-ши исполнилось 92 года, Министерство культуры КНР вручило ему почетную грамоту, назвав его «выдающимся художником, вносящим ценнейший вклад в китайское искусство».

Сила и энергия этого молодого сердца, его любовь к труду, жизни неисчерпаемы.

Ци Бай-ши. ЛОТОС. Тушь.

В гостях у Ци Бай-ши. Слева направо: чилийский художник Хосе Вентурелли, писатель Ай Цин, Ци Бай-ши, писатель Эми Сяо.

Ли Кэ-жань. ПЛЫВУЩИЕ БУЙВОЛЫ. Тушь. 1953.

Гао Си-шунь. ЦВЕТОК.

ЛИТЕРАТУРА НАШИХ ДРУЗЕЙ

В течение этого года на русском языке появилось — и еще появится — много интересных произведений китайских писателей.

Прежде всего нужно назвать сборник стихов величайшего поэта древнего Китая Цюй Юаня.

Стихи Цюй Юаня проникнуты горячей любовью к своему народу. «Долгие годы я тяжко вздыхаю и лью слезы, скорбя о бесчисленных бедствиях народа», — говорит поэт в «Лисао».

Развивая народные песенно-поэтические традиции, Цюй Юань внес большие изменения в построение фразы, ритмику и в другие элементы стиха. Можно с полным основанием сказать, что его творчество открыло новую эпоху в истории китайской литературы.

Следует отметить, что язык стихотворений Цюй Юаня во многом отличается от современного китайского языка, поэтому его произведения доступны широкому кругу читателей только в переводе на современный язык.

В сборнике, впервые изданном на русском языке, представлены наиболее известные произведения Цюй Юаня. В «Лисао» поэт резко осуждает правящую верхушку княжества Чу, в котором он жил, осуждает за ее политическую беспринципность, ненасытную жадность и ненависть к талантливым людям. Другим выдающимся произведением Цюй Юаня, включенным в сборник, является поэма «Вопросы к небу». Поэта здесь больше всего занимают вопросы о строении Вселенной: кто ее создал? Что начинается там, где кончается небо? На чем держатся солнце, луна и звезды и почему они не падают? Куда исчезает солнце ночью? В поэме отразились многие древние китайские легенды.

Впервые вышел на русском языке классический роман Ло Гуань-чжуна «Троецарствие» («Саньго яньи»). Время действия этой популярнейшей в Китае книги — третий век нашей эры, когда велась ожесточенная междоусобная борьба между тремя уделами (отсюда и название романа): Вэй, У и Шу. Эпизоды и сцены из «Троецарствия» на протяжении нескольких веков пересказываются народными сказителями — «шо шуды», которых поныне можно увидеть и на шумном базаре, и в маленькой харчевне, и в далекой деревушке. Отдельные эпизоды романа легли в основу многих классических пьес.

Китайские литературоведы считают, что первое издание книги вышло в 1494 году, то есть почти через сто лет после смерти автора, который жил приблизительно в 1330—1400 годы. О жизни и деятельности писателя сохранилось мало достоверных сведений. Установлено, что материал для своего романа он почерпнул из официальных исторических хроник и народных преданий.

Перевод романа выполнен В. А. Панасюком под редакцией профессора В. С. Колоколова.

До конца года выйдет классический роман Ши Най-аня «Речные заводи» («Шуйху»), написанный около шестисот лет назад. В романе, созданном на основе народных сказаний, повествуется о мужественной борьбе крестьян-повстанцев в XII веке против феодально-помещичьего режима. Сцены и эпизоды романа, так же как и эпизоды из «Троецарствия», пересказываются сказителями, ставятся в театре.

Новым изданием вышел сборник новелл другого китайского классика, Пу Сун-лина (1640—1715), писавшего под псевдонимом Ляо Чжай, «Рассказы о людях необычайных» в переводе покойного академика В. М. Алексеева. Примечания и комментарии этого крупнейшего китаиста помогают читателю лучше понять содержание этих новелл и живо

Из иллюстраций к роману «Троецарствие».

представить себе многие обычаи и нравы той далекой эпохи.

Большинство рассказов Пу Сун-лина также ведет свое происхождение от народных сказок и легенд. Писатель издевается над незадачливыми богачами и алчными правителями, сочувствует беднякам и скорбит над их судьбой. Многие рассказы кончаются послесловием, в котором четко выражено авторское отношение к описанному событию. Так, в рассказе «Как он решил дело», говоря о жестокости и несправедливости одного из чиновников, в образе которого воплотились характерные черты многих представителей власти, писатель восклицает: «Увы, душу-то народа где такому человеку приобрести?»

Рассказы Пу Сун-лина искрятся юмором, живостью, лукавством. Герои писателя — это чаще всего студенты, торговцы, чиновники. Неизменными персонажами являются лисы-оборотни или монахи-волшебники. Лиса-оборотень вмешивается в жизнь людей, опутывает их чарами. То она, как злое наваждение, все спутывает в семье, то морочит глупцов, глумится над жадными, жестоко наказывает за вероломство и подлость, исцеляет достойного человека, утешает бедного студента или ученого.

Советский читатель получил в течение этого года много книг и современных китайских писателей. Уже вышел первый из четырех томов собрания сочинений основоположника новой китайской литературы Лу Синя (1881—1936). В первый том вошли художественные произведения, среди них: «Подлинная история А-Кью», «Лекарство», «Кун И-цзи», «Маленькое происшествие», в которых впервые в китайской литературе широко показаны простые, «маленькие» люди, их жизнь, полная мытарств и невзгод. Во второй том, который выйдет в конце года, включена публицистика Лу Синя — боевая, злободневная, содержащая горячие отклики писателя-патриота на разнообразные события современной ему общественно-политической жизни (20—30-е годы).

Издан сборник рассказов Лао Шэ — автора многих романов, рассказов, публицистических и литературоведческих статей. Писатель старшего поколения (он родился в 1898 году), Лао Шэ продуктивно работает и в настоящее время. В своих произведениях он выступает как несравненный бытописатель и беспощадный сатирик. В литературоведческих работах он обнаруживает большую эрудицию, тонкий вкус и любовь к родной литературе. В течение многих лет профессор Лао Шэ читает курс отечественной литературы.

Лао Шэ — заместитель председателя Союза китайских писателей, главный редактор популярного журнала «Шошо Чанчан». Ему присвоено почетное звание народного писателя.

Лао Шэ с особенной теплотой изображает жизнь простого народа, его радости и беды. В рассказах «Серп луны» и «Своего рода треугольник», также включенных в сборник, он рисует бесправное положение женщины в условиях гоминдановского режима.

Вышла книга избранных произведений Чжао Шу-ли, куда включены знакомые советскому читателю повести и рассказы «Перемены в Лицзячжуане», «Песенки Ли Ю-цая», «Регистрация брака», «Женитьба маленького Эр-хэя» и другие. Во всех этих произведениях писатель рассказывает о новой жизни китайской деревни, о тех огромных сдвигах, которые происходят в сознании и быту освобожденных тружеников. Изданы также сборники избранных произведений известных писателей — Мао Дуня и Дин Лин.

Хорошо был встречен читателями сборник стихов «Поэты нового Китая», в который вошли произведения 35 авторов. Наряду со стихотворениями поэтов старшего поколения — Кэ Чжун-пина, Эми Сяо, Цзан Кэ-цзя, Ай Цина, Тянь Цзяня — здесь представлена талантливая поэтическая молодежь — Ли Цзи, Вэй Вэй.

Тематика сборника самая разнообразная: здесь стихи времен национально-освободительной войны против японского империализма (1937—1945 годы), исполненные оптимизма, веры в окончательную победу, стихи, воспевающие трудовой героизм освобожденного народа, стихи о борьбе народов за мир, о дружбе Китая и Советского Союза.

Из иллюстраций к роману «Троецарствие».

Книги китайских писателей выходят не только в московских, но и в республиканских и областных издательствах. Так, например, в Чите издан сборник стихов «Китай говорит». Книга состоит из двух разделов. В первом, носящем название «Годы борьбы», объединены стихотворения Тянь Цзяня, Эми Сяо и других поэтов, написанные в годы войны против японских захватчиков и в период национально-освободительной борьбы китайского народа против гоминдановской реакции. В ту суровую пору китайские поэты своими стихами укрепляли мужество народных масс, веру в победу. Большое распространение получили тогда «цзетоуши», что означает «стихи улицы», краткие, боевые, динамичные, которые обычно писались на стенах домов. В сборнике представлен и этот жанр.

Собранные во втором разделе книжки, «Голос свободного народа», стихи красноречиво свидетельствуют о том, как дорого китайскому народу деле мира, как близки ему корейские и советские друзья. Стихи, посвященные новому Китаю, полны энергии, бодрости и радости.

Сборник «Китай говорит» интересен тем, что представляет многообразие творческих манер китайских поэтов. Многие из вошедших сюда стихотворений переведены впервые.

Китайская литература — как современная, так и классическая — давно уже завоевала симпатии советского читателя, и интерес к ней в СССР растет день ото дня. Об этом говорят некоторые цифры. По данным Всесоюзной книжной палаты, в Советском Союзе с 1 октября 1949 года (со дня провозглашения Китайской Народной Республики) до 1 января 1954 года изданы 134 книги китайских авторов на 26 языках народов СССР, общим тиражом свыше семи миллионов экземпляров.

А. ТИШКОВ

УЧИЛИЩЕ МЕТАЛЛИ

Я. ГИК Фото С. РАСКИНА.

Куда пойти после окончания средней школы?

Около 60 тысяч юношей и девушек в нынешнем году решили этот вопрос так: поступить в техническое училище. Пройдет год или два, и эти молодые люди приобретут профессию металлурга, шахтера, радиотехника, фрезеровщика, специалиста сельского хозяйства.

Разными путями пришла молодежь к этому решению. Есть такие, которые не выдержали конкурсных испытаний при поступлении в вуз. Иные хотели пойти на производство, но, узнав, что можно получить основательную подготовку в училище, тут же подали заявления. Многие окончили школу несколько лет назад, работали, а теперь стремятся овладеть профессией.

500 человек принимает Московское техническое училище металлистов № 6. Создано оно на базе ремесленного училища № 12, которое занимало одно из первых мест в системе трудовых резервов. Каждый, кто ныне переступает его порог, чувствует себя обязанным поддерживать честь, заслуженную предшественниками.

В широкие двери пятиэтажного дома на Пресненском валу входили молодые люди, испытывая

Александра Мельникова

— Еще неизвестно, вышла бы из меня актриса или нет. А вот чертежницей буду, наверно, неплохой.

Галина Чиненова

— Отец умер, мне надо помогать семье. Хочется побыстрее получить твердую, постоянную специальность.

— Поучитесь, поработаете, сами овладеете таким станком,— говорит мастер Н. П. Дулин, окончивший ремесленное училище № 12.

Валентин Маевский

— Важнее всего — получить профессию. Но не брошу я и спорта: я играл в краснодарской команде волейболистов.

Вера Балаева

— Сказать по правде, никак не могла решить, кем мне быть. Но теперь выбрала специальность и займусь ею серьезно.

Галина Старикова

— Я окончила школу в прошлом году, работаю секретарем. Надоело мне по телефону соединять, хочу настоящего дела.

Леонид Хогоев

— Очень доволен, что попал в училище. Постараюсь учиться отлично, а о дальнейшем я не беспокоюсь.

Яков Вальдман

— В институт я не попал. Но кто помешает мне и профессию хорошую получить и образование свое продолжать!

Регина Усанова

— Я давно окончила школу, да никак не могла ни на чем остановиться. Ну, теперь все решено: выхожу на самостоятельный путь.

...ИСТОВ

Директор А. Л. Егоров беседует с поступающими в училище В. Пановой, Е. По́линой, В. Красаковым и В. Чебанюком.

сомнения, все еще раздумывая: сдашь аттестат зрелости, и возврата уже не будет! Но с первых же дней здесь создалась обстановка доброжелательства и понимания, особенно важная, когда решается судьба юноши или девушки.

— Через 2 года вы будете чертежником-конструктором, — говорил директор училища Андрей Лукич Егоров. — Это очень интересная специальность. А захотите дальше совершенствоваться, кто же вам помеха! — Андрей Лукич снимал очки и дружелюбно всматривался в глаза взволнованной собеседницы.

— У вас будет хорошая профессия — механик по сборке приборов. Без среднего образования трудно стать так скоро механиком, а при ваших знаниях — у вас, я вижу, пятерки и четверки в аттестате — дело не такое сложное.

И юноша, который видит себя через 2 года радиомехаником, находит, что выбор сделан им удачно.

— А экзаменов держать не надо? — спрашивает обладатель аттестата, пострадавший, видать, не на одном конкурсе. И облегченно вздыхает: не надо!

Александра Мельникова не очень была уверена, выйдет ли из нее актриса. Неудача на экзаменах не сильно обескуражила ее. Она как-то сразу преодолела смутные девичьи мечтания и нашла, что создавать интересные, сложные чертежи — тоже увлекательное занятие.

В чертежном кабинете окончательно утвердились в своем решении Леонид и Соня Дыбцовы. Брат и сестра, они вместе пришли в училище, и их заявления лежат рядом. Соня окончила школу год назад, работала инкассатором, но куда интересней получить производственную профессию! Старейший преподаватель черчения Михаил Михайлович Плешкин по-отцовски поговорил с Дыбцовыми, и последние сомнения были развеяны.

Нередко сюда приходили одноклассники. Сидели за одной партой в школе, вместе рассуждали о будущем, а потом вместе приняли решение. Так поступили в училище два Валентина — Красаков и Чебанюк, подруги из школы № 646 Екатерина По́лина и Валентина Панова.

Небольшая группа собралась у токарно-винторезного станка. Мастер Николай Павлович Дулин демонстрировал им скоростное резание.

— Поучитесь год, поработаете потом на заводе, овладеете таким станком. Я и сам недавно здесь учился.

В семье железнодорожника Егора Семеновича Биткова судьба дочери Александры обсуждалась не раз. Как бы поразумней определить ее в жизни? С институтом не получилось: не прошла по конкурсу. Но вот старшие сестры Нина и Валя работают, и это не мешает им учиться по вечерам. А тут возможности еще лучше: 2 года Александра будет получать приличную стипендию и осваивать профессию, а хватит желания и выдержки, — продолжит образование потом.

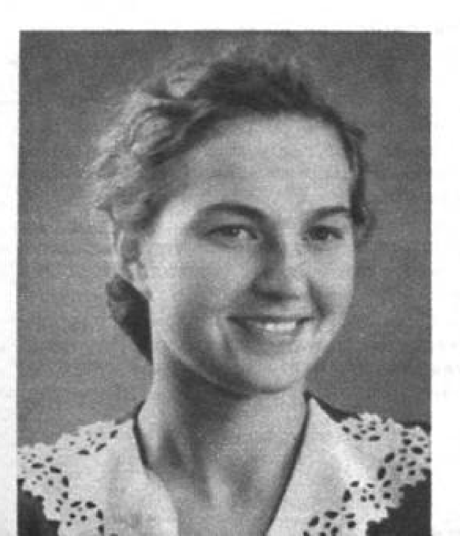
— Мы будем московскими металлистами! — с гордостью могут сказать 500 молодых людей, зачисляемых в Техническое училище № 6.

Старейший преподаватель черчения М. М. Плешкин беседует с Леонидом и Соней Дыбцовыми.

Александра Биткова

— Сестры работают и учатся по вечерам. У меня возможности будут лучше, и профессию скорее приобрету.

Римма Котова

— Отец на тормозном заводе работает. Он мне и посоветовал: чего уж лучше — быть сборщиком-механиком.

Лариса Орлова

— Я работаю на фабрике, но специальности пока не приобрела. После училища буду механиком по приборам.

Сергей Конин

— Интересуюсь радиотехникой. Сам мастерил радиоприемники, люблю это дело, хочу изучить его до тонкости.

«МИРА НЕ ИЩУТ НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ»

Илья ЭРЕНБУРГ

ЭДУАРД ЭРРИО,

почетный председатель французского Национального собрания.

Я прочитал недавно в одной американской газете следующее:

«У любого американца отклонение Францией «европейского оборонительного сообщества» вызвало недоумение, и особенно поразила его непримиримая позиция, занятая в этом вопросе г. Эдуардом Эррио».

Что же, американская газета лишний раз показала, как плохо знают и как мало понимают некоторые американцы Францию: каждый, кто знаком с историей этой страны, каждый, знающий длинный жизненный путь Эдуарда Эррио, не был изумлен его выступлением во французском парламенте, когда обсуждался вопрос о жизни или смерти Франции.

Молодость Эдуарда Эррио прошла в годы, когда его родина еще жила свежими воспоминаниями о прусском нашествии. То были годы борьбы между патриотизмом народа и злым нашептыванием вчерашних и завтрашних капитулянтов. То были также годы борьбы между клерикалами, роялистами, аристократами и робкой республикой, опиравшейся на старые якобинские традиции. Эдуард Эррио в роковые для Франции часы всегда выступал и выступает подлинным патриотом. Он выразитель тревог и чаяний средних кругов Франции: здесь его слабость, и здесь его сила. Он порой думал, что жестокие противоречия могут быть смягчены светлым разумом и добрым сердцем; он порой надеялся, что грозовые тучи пройдут мимо его прекрасной родины, но он всегда верил во Францию, с нею страдал и для нее жил.

Эдуард Эррио воплощает в себе замечательные черты французского народа: живость ума, чувство меры, высокую культуру и большой хозяйственный талант. Знаток эллинской культуры, литературовед, автор превосходных книг, посвященных и александрийским философам и французским литературным салонам, он показал себя хорошим организатором — пятьдесят лет тому назад его впервые выбрали мэром Лиона. Это был запущенный город, вотчина кучки богачей, с мрачными кварталами, где ютились ткачи. Эдуард Эррио многое сделал для Лиона, и теперь это, пожалуй, передовой город Франции. Недавно мне привелось там побывать, и я увидел Эдуарда Эррио, тяжело больного, на боевом посту — в рабочем кабинете мэрии.

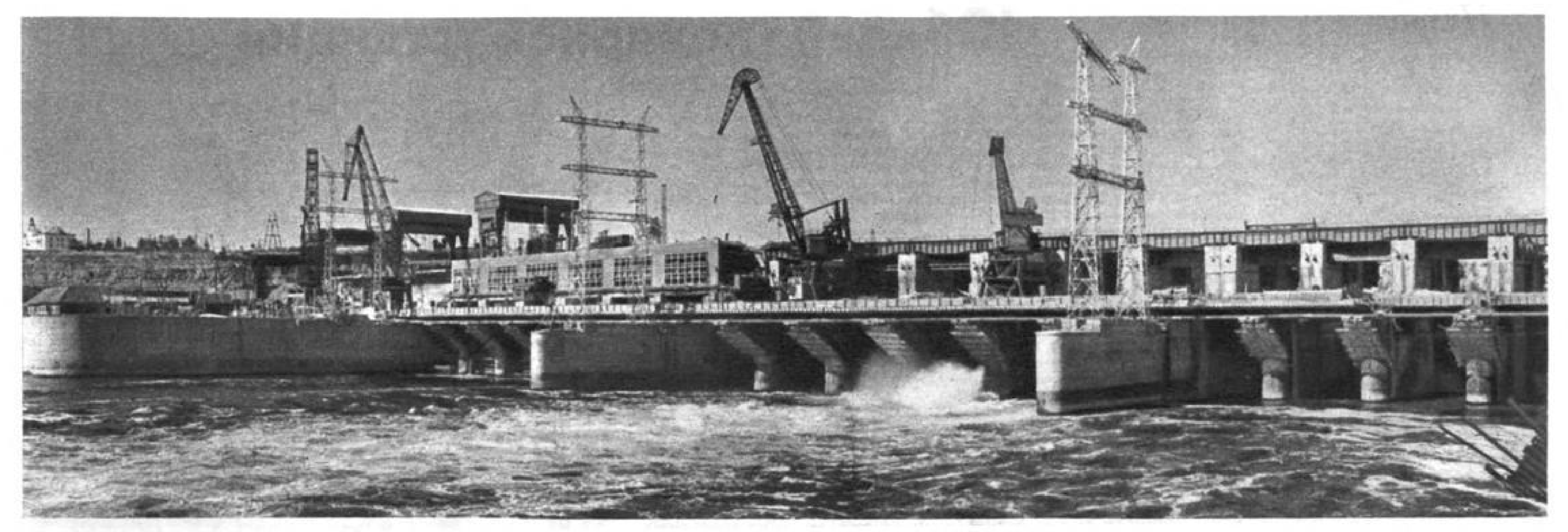
Он сделал многое для Франции. После страшной войны 1914—1918 годов он ясно увидел обозначившуюся снова опасность. В 1924 году на парламентских выборах победил «левый блок». Во главе правительства стал Эдуард Эррио. Одним из его первых шагов было признание Советского Союза. В своей телеграмме, адресованной Советскому правительству, он писал: «Правительство республики, верное дружбе, соединяющей русский и французский народы, начиная с сегодняшнего дня признает де юре правительство СССР». За два года до этого Эррио приезжал в Советский Союз и написал о своей поездке книгу, искреннюю, полную добрых чувств к нашему народу. Конечно, Эдуард Эррио не разделял и не разделяет наших политических идеалов, но он неизменно поддерживал и поддерживает необходимость дружбы между Францией и Советским Союзом, видя в ней залог мира и безопасности своей родины.

Еще задолго до прихода к власти Гитлера Эдуард Эррио указывал на всю опасность возрождения германского милитаризма. Англия и Соединенные Штаты делали тогда все для того, чтобы вооружить Германию. Эдуард Эррио снова столкнулся с той же проблемой в 1932 году, когда против него объединились французские фашисты, германские фашисты, Муссолини, японская военщина и консерваторы Англии. Фон Папен предложил Эдуарду Эррио сделку — заключить тайный союз Франции с Германией против Советского Союза, и Эдуард Эррио ответил ему так же, как недавно он ответил канцлеру Аденауэру: Франция ищет мира и безопасности, а не военных авантюр.

Легко себе представить, как ненавидели немецкие фашисты Эдуарда Эррио. В 1934 году словоохотливый посол Германии фон Кестнер рассказал одной французской журналистке, что гитлеровцы подготовляют ряд террористических актов, в первую очередь они мечтают убить Эдуарда Эррио: «Это человек, которого они в настоящий момент боятся больше всего». В годы оккупации гитлеровцы арестовали Эдуарда Эррио, а впоследствии отправили его в Германию. Он был освобожден из лагеря советскими войсками. Я встретился с ним в Москве сразу после его освобождения. Он был физически истощен, но сохранял веру во Францию. Ласково смеясь, он рассказывал, что советский офицер знал его имя, и добавлял: «Это удивительно...» Он говорил, что рад был увидеть русских: «Меня освободили наши давние друзья...»

Эдуард Эррио, почетный председатель французского парламента, приехал больной в Париж, чтобы принять участие в дебатах о «европейском оборонительном сообществе». Он говорил не с трибуны: болезнь помешала ему подняться по ступенькам. Но его голос звучал молодо, и была в нем вся сила патриотизма. Он говорил о том, что над Францией снова нависла смертельная угроза, что нужно искать безопасность Европы в сотрудничестве всех ее государств, а не в куцей «Европе пяти» или «шести». Он произнес прекрасные слова: «Видите ли, дорогие коллеги, вы не найдете мира, если будете его искать на дорогах войны». Он снова напомнил, что интересы его родины не могут быть ограждены без дружбы с Советским Союзом, без добрых отношений со всеми государствами Европы, без сотрудничества всех для безопасности каждого.

Хорошо, глядя на жизненный путь человека, видеть, что его вечер не расходится с его утром, что его неизменно воодушевляют большие идеалы, и, как бы ни были они далеки от наших идеалов, мы думаем об Эдуарде Эррио с уважением и с дружескими чувствами, как о настоящем французском патриоте.

Камская ГЭС дала ток

В строй вступила еще одна мощная гидростанция — Камская. В субботу, 18 сентября, первый выработанный ею ток получили промышленные предприятия Урала.

Камский гидроузел — ныне один из крупнейших в стране. Строители проделали колоссальную работу. В основные сооружения уложено около 800 тысяч кубометров бетона, смонтировано и установлено 62 тысячи тонн металлоконструкций и металлического шпунта. ГЭС создана за короткий срок усилиями не только строителей, но и трудовых коллективов многих заводов: «Уралэлектроаппарата», изготовлявшего гидрогенераторы, Харьковского турбогенераторного, ленинградского «Электропульта» и других.

Пока на гидростанции работает один агрегат. Всего в этом году должно быть пущено шесть машин. Строители обязались сдать в эксплуатацию четыре машины первой очереди ГЭС к 37-й годовщине Великого Октября.

На снимке: общий вид водосливной плотины Камской гидроэлектростанции.

Фото Б. Визуля (ТАСС).

Выставка датского экспорта

В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, открылась Выставка датского экспорта. На выставке представлена продукция многочисленных датских фирм.

Фото Я. Рюмкина.

Молочные танкеры

Теплоход перевозит молоко.

Фото Р. Лихач.

Каждый вечер в Южный порт столицы приходит из города порожняя колонна молочных автоцистерн. Водители подводят машины к отвесной стенке причала и здесь останавливаются.

В это же время со стороны Перервинского шлюза показываются суда, которые по виду ничем не отличаются от обычных пассажирских теплоходов типа «Москвич». Но вот головное судно подходит ближе, и на его борту можно прочитать: «Молоко». Когда у причала ошвартовываются все суда, с каждого из них подают шланги к автоцистернам, и начинается перекачка молока.

Эти необычные суда называют «молочными танкерами». К серийному выпуску их приступил Московский судостроительный и судоремонтный завод. Теплоходы нового типа имеют оригинальную конструкцию. Там, где на пассажирских судах «Москвич» находятся носовой и кормовой салоны, у «молочных танкеров» размещены две металлические цистерны для молока общей емкостью до 20 тонн. В пути молоко перемешивается особыми винтами. За его состоянием можно наблюдать через «глазки», сделанные в верхней части цистерн. Специальная прокладка не позволяет молоку нагреваться в пути.

Теплоходы доставляют молоко в Москву с заводов Оки. Даже в самые жаркие дни молоко в танкерах не прокисает.

Б. ПАСХИН

«Мы тоже построим такие фабрики»

Председатель земледельческого кооператива Тин Чун Хва на Томилинской птицефабрике.

— Я три месяца путешествовала по великой Советской стране,— говорит Тин Чун Хва, председатель земледельческого кооператива Корейской Народно-Демократической Республики.— Верьте: виденное затмило все, что могло рисовать мое воображение. Нас 30 человек — корейских крестьян, работников государственных хозяйств, агрономов и зоотехников. Все мы единодушно признали: это было путешествие в наше будущее. Такой мы и хотим видеть свою страну.

Корейские земледельцы побывали в Ферганской долине. Там они видели мастерство узбекских хлопкоробов, шелководов и виноградарей. На Кубани изучали труд хлеборобов, жизнь в крупных колхозах и совхозах. В Ростове ознакомились с производством комбайнов. В Москве на выставке имели возможность как бы одним взором охватить все сельское хозяйство Советской страны.

В заключение корейцы побывали на Томилинской птицефабрике. Здесь мы и встретились с нашей гостьей. Тин Чун Хва стояла, задумавшись, в огромном, ослепительно чистом цехе у ярусов с клетками, в которых заключены белые куры-несушки. Каждая из них дает до 190—200 яиц за год.

— Это просто ошеломляет,— сказала Тин Чун Хва.— Я крестьянка, но не подозревала, что разведение кур можно превратить в настоящую индустрию...

Кореянка заглянула в записную книжку, испещренную ровными строчками, и добавила:

— Я очень хочу, чтобы у нас в Корее вблизи городов тоже были такие фабрики. С помощью Советского Союза мы обязательно их построим.

С. ХМЕЛЬНОВ

Памятник А. В. Суворову

На центральной площади города Тульчина, Винницкой области, воздвигнут памятник Александру Васильевичу Суворову. Здесь в 1796—1797 годах находилась штаб-квартира великого русского полководца.

Фото Н. Пирковского.

Юбилей полярной станции

Недавно на полярную станцию в бухте Тихой прибыл очередной транспортный самолет Главсевморпути. Помимо обычных грузов — новинок литературы, кинокартин, свежих овощей и фруктов,— самолет доставил похвальную грамоту станции в связи с 25-летием со дня ее основания. Большой, плодотворный путь прошла эта станция за четверть века.

В 1929 году ледокольный пароход «Георгий Седов» доставил на Землю Франца Иосифа экспедицию для постройки на одном из островов постоянной научно-исследовательской станции. Экспедицию возглавлял О. Ю. Шмидт, его заместителем по научной части был В. Ю. Визе, командиром «Седова» — опытный ледовый капитан В. И. Воронин.

Местом для строительства была избрана бухта Тихая. Глубокая, хорошо защищенная от ледовых сжатий, она была названа «Тихой» еще Г. Я. Седовым, зимовавшим здесь в 1913—1914 годах со своей экспедицией на «Св. Фоке» после бурного, полного опасностей плавания.

Вскоре на пустынном берегу выросли большой дом, склад и баня. Кроме жилых комнат, в доме разместились радиорубка, метеокабинет, кают-компания. Первая телеграмма в Москву известила о начале работы самой северной станции мира.

С каждым годом увеличивался объем научных работ, разрастался поселок станции.

Коллектив полярников принял активное участие в обслуживании первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс», помогал трансарктическим перелетам прославленных советских летчиков. Ни на один день не замирала его работа в годы Отечественной войны.

Сурова природа Земли Франца Иосифа. Бóльшая часть ее островов погребена под мощными куполами ледников. Лишь незначительные участки каменистого берега свободны от оледенения. На четыре с лишним месяца земля погружается во мрак полярной ночи.

Долгая зима сменяется коротким холодным летом с частыми туманами и моросью. Редко-редко выдастся ясный и тихий день, температура воздуха поднимается до 2—3 градусов тепла.

Когда-то Пайер, один из руководителей австрийской экспедиции на Землю Франца Иосифа, писал: «Годы пройдут, а эти негостеприимные берега останутся все теми же... Мы повернулись спиной к этому пустынному миру».

Но Пайер ошибся. Всесторонне обследованная советскими полярниками, Земля Франца Иосифа все больше становится обжитой землей. Самая северная станция мира в бухте Тихой, на «краю земли», теперь по сравнению с дрейфующими станциями «СП-3» и «СП-4» представляется чуть ли не югом...

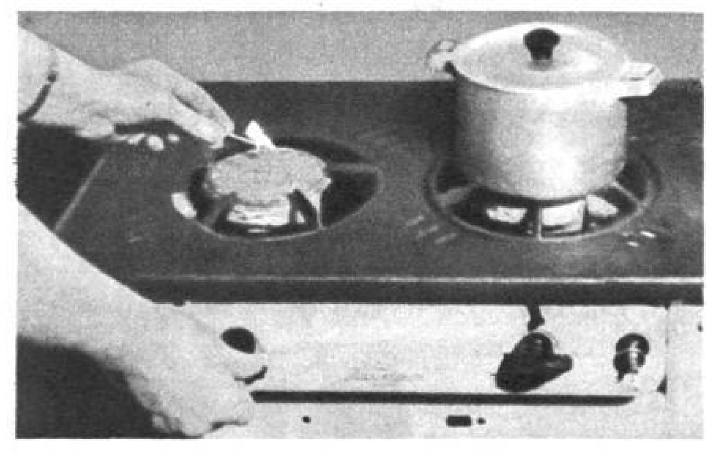
Ныне полярная станция превратилась в арктический поселок. Она оснащена современным оборудованием. Люди здесь живут в просторных, благоустроенных домах. Собственная электростанция обеспечивает освещение и работу аппаратуры. Большая библиотека непрерывно пополняется новинками научной, политической и художественной литературы. Регулярно получают здесь московские газеты и журналы.

В свободное время работники станции занимаются охотой, спортом. В их распоряжении киноустановка, пианино, радиоприемники.

Б. КРЕМЕР,
бывший начальник полярной станции «Бухта Тихая».

1929 год. Торжественно водружается красный флаг на Земле Франца Иосифа.

ГАЗ ГОРИТ БЕЗ ПЛАМЕНИ

— Довольны ли вы газовой плитой?

Сотни тысяч людей, будь им предложен такой вопрос, единодушно ответили бы:

— Конечно, ведь это — большое удобство.

Плита действительно хороша, но горелка могла бы быть лучше. Она не коптит, горит ровным зеленоватым пламенем, но у нее существенный недостаток: сгорает не весь поступающий газ, часть его улетучивается в воздух в виде ядовитой окиси углерода. К тому же коэффициент полезного действия горелки не превышает 45—55 процентов.

Борьба с загрязнением газом воздуха в квартирах становится серьезной проблемой.

Группа работников Академии коммунального хозяйства РСФСР имени К. Д. Памфилова сконструировала новый тип конфорочной горелки для газовой плиты. В отличие от существующей горелки у нее не металлическая, а керамическая головка в виде диска, похожего на электроплитку.

Главная особенность новой горелки та, что газ горит в ней без пламени, он лишь раскаляет диск докрасна. Благодаря этому коэффициент полезного действия горелки увеличивается до 70—75 процентов и, что особенно важно, совершенно устраняется возможность попадания окиси углерода в воздух: газ сгорает полностью. Кроме того, беспламенная горелка позволяет сжигать низкокалорийные газы; это облегчит газификацию городов Подмосковья, Белоруссии, северных областей РСФСР.

При оборудовании плит беспламенной горелкой расход газа сократится на 15—20 процентов. Специалисты подсчитали, что только столице это даст дополнительно такое количество газа, сколько пропускает за полгода одна нитка газопровода Саратов — Москва.

Сейчас на одном из московских заводов организуется производство беспламенных горелок. В текущем году намечается приступить к установке их на газовых плитах в Москве и Ленинграде.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

Дневник ОГОНЬКА

Магазин-читальня

В Минске, на углу улиц Маркса и Энгельса, недавно освободился от лесов новый жилой дом. В первом этаже дома разместился магазин. «Газеты, журналы, книги, плакаты» — значится над входом. Но магазин этот не совсем обычный. В просторной комнате возвышаются большие книжные шкафы-витрины. Перед ними прилавок с аккуратно разложенными новинками периодической литературы. Рядом небольшие круглые столики и стулья. Покупатель имеет возможность здесь же, в магазине, ознакомиться с журналом или книгой, которые он намеревается приобрести.

В минском магазине-читальне.

Организованный «Союзпечатью» в Минске магазин-читальня — первый в республике. Посетители находят тут свежие центральные и белорусские газеты, последние номера журналов, вестников, бюллетеней, новые книги и плакаты.

В. ПОНОМАРЕВ

Куреневские виноградари

Сбор винограда в совхозе на «Ветряных горах».

Фото Н. Пирковского.

Куреневка — окраина Киева. За последними домиками здесь когда-то тянулся пустырь с песчаными, курящимися от ветра холмами, образно прозванный «Ветряными горами». Нынче на «Ветряных горах» раскинулись плантации Киевского виноградарского совхоза — участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Девять лет назад, тотчас после войны, совхоз заложил свою первую плантацию. Начало было неудачным. Чубуки принялись лишь на одном гектаре. Но это не обескуражило людей, и теперь виноградники занимают площадь в 67 гектаров. В будущем совхоз намерен расширить ее до 100 гектаров.

Прошлой осенью виноградари собрали хороший урожай, в среднем по 73 центнера с гектара. Перспективными оказались сорта «Золотистый ранний», «Жемчуг Саба», «Янтарный», «Лидия» и десятки других. Всего на плантации испытываются 300 сортов винограда.

Нынешний урожай выше прошлогоднего: он достиг на круг 90 центнеров с гектара. В бригаде Героя Советского Союза Ивана Федоровича Михайленко передовые звенья собирают по 120—130 центнеров ягод.

В. ШУМОВ

Новые успехи легкоатлетов

На старте Владимир Куц. Вот он стоит в ряду с другими сильнейшими бегунами на длинные дистанции, рекордсмен мира в беге на 5 тысяч метров. Здесь, в Киеве, на первенстве страны, Куц готов к бегу на 10 тысяч метров. Спортсмены устремляются вперед. Куц

Владимир Куц ведет бег на 10 тысяч метров.

сразу же отрывается от остальных и уходит все дальше, но за ним бежит Александр Ануфриев, рекордсмен страны в беге на эту дистанцию. Диктор сообщает: «Четыреста метров пройдены за 62 секунды, на пять секунд быстрее рекордного графика Ануфриева». С этой минуты зрители поняли, что лидер бега будет стремиться к установлению нового рекорда...

Половина дистанции была пройдена Куцем на две с половиной секунды хуже, чем Ануфриевым во время его рекордного бега. После восьми километров Куц проигрывал уже пять секунд. Но на следующем километре он отыграл это время...

Двадцать пять тысяч человек, заполнивших трибуны стадиона имени Хрущева, следили за невысоким светловолосым спортсменом, идущим последний круг. Именно сейчас решалась судьба его смелого замысла. И вскоре после того, как Владимир Куц пересек линию финиша, диктор сообщил: «Куц пробежал 10 тысяч метров за 29 минут 21,4 секунды. Он установил новый всесоюзный рекорд».

Этим захватывающим поединком и началось первенство страны по легкой атлетике. Оно прошло в исключительно яркой и интересной борьбе и принесло советскому спорту три мировых рекорда и шесть всесоюзных.

Героями первенства оказались: В. Ухов, закончивший состязание по ходьбе на 50 километров с новым мировым достижением (4 часа 18 минут 49,2 секунды); Галина Зыбина, толкнувшая ядро на 16 метров 28 сантиметров и улучшившая на 8 сантиметров свой же мировой рекорд; Нина Отиаленко, также улучшившая свой мировой рекорд в беге на 800 метров (2 минуты 6,6 секунды); Петр Денисенко преодолел в прыжке с шестом высоту 4 метра 46 сантиметров и установил таким образом европейский рекорд.

Первенство СССР по легкой атлетике было интересно не только своими высокими результатами, но и тем, что в нем с большим успехом выступала способная молодежь.

Большого успеха добились Л. Лысенко, занявшая второе место в беге на 800 метров, Л. Аралова, оказавшаяся второй в пятиборье после А. Чудиной, Ю. Степанов, ставший чемпионом СССР по прыжкам в высоту, В. Роолайд, выигравшая первенство по

На трибуне почета призеры первенства СССР по толканию ядра: в центре Г. Зыбина, слева Т. Тышкевич, занявшая второе место, справа З. Дойникова. Все они являются ученицами заслуженного мастера спорта В. Алексеева (стоит на первом плане).

метанию копья, И. Чернявский, пришедший вторым в беге и на 10 и на 5 тысяч метров, и многие другие.

Командное первенство страны завоевали динамовцы.

В. ЯКОВЛЕВ

Н. Откаленко (слева) поздравляет П. Солопову с победой и с новым всесоюзным рекордом в беге на 400 метров.

Фото Н. Волкова.

В турнирном зале. Зрители наблюдают за игрой.

XI шахматная олимпиада

Лидирует команда СССР

12 СЕНТЯБРЯ.

С сегодняшнего дня Аполло-холл выглядит иначе, чем в дни полуфинала. С одной стороны расставлены столики, за которыми шахматисты 14 стран разыгрывают места с 13-го по 26-е. Это так называемый «утешительный» турнир. Здесь почти нет зрителей. На другой стороне играют сильнейшие шахматисты мира — 12 команд, вошедших в финальную группу. Особенно много зрителей, как и всегда, у столиков, за которыми сражаются голландцы и советские шахматисты. Болельщики курят папиросы и сигары, создавая в зале дымовую завесу... Ничего не поделаешь! Голландцы привыкли курить всюду, даже в кино. Если запретить курение, они, пожалуй, не пойдут и на такое выдающееся соревнование.

Если бы на результат шахматных партий влиял рост шахматистов, несомненно, на первом месте была бы команда Голландии: почти все ее участники во главе с Эйве и чемпионом страны Доннером — люди ростом почти в два метра. Голландцы страстно болеют за свою команду. Когда в зрительном зале раздаются аплодисменты, можно догадаться, что кто-то из голландцев одержал победу. Сегодня аплодисментов не было. Голландия неудачно стартовала в финале, проиграв 3 : 1 Югославии.

Наша команда сыграла нормально, дав шведам только одну половину очка.

13 СЕНТЯБРЯ.

Проигрыш голландской команды — плохая реклама для турнира. Это сразу же отражается на очередном сборе. Но все же зритель приходит. Из газет он узнает, что не зря заплатит 50 центов за вход. Ему указывают, что в Аполло-холле он увидит знаменитых советских шахматистов.

В Голландии популярна шахматная песенка: «Наш Эйве победил». Ее можно было бы сегодня исполнить. Голландский гроссмейстер в хорошем стиле выиграл у гроссмейстера Унцикера, а команда в целом победила команду Западной Германии со счетом 3½ : ½.

Англичане упорно сопротивлялись нашим шахматистам. Но «уцелел» один Александер, добившийся ничьей с Ботвинником.

14 СЕНТЯБРЯ.

В матче на четырех досках достаточно бывает одной неудачи — и трудно поправить дело. Котов допустил неточность, попал в критическое положение и проиграл. В результате: общий итог встречи с командой Израиля — ничья 2 : 2.

Газеты под крупными заголовками сообщили о том, что команда Югославии догнала по очкам команду СССР.

15 СЕНТЯБРЯ.

Сегодняшняя партия Ботвинника против Сабо обещала быть очень интересной. К сожалению, в цейтноте противники согласились на ничью.

Уверенно выиграли Керес и Смыслов. Результат 3 : 1 против сильной команды Венгрии,— безусловно, наш успех. С таким же счетом Югославия выиграла у Израиля. Лидеров догоняет Аргентина, выигравшая у Голландии. На первой доске Найдорф и Эйве согласились на ничью уже на 13-м ходу. Очевидцы с улыбкой рассказывали, что Найдорф фактически вынудил ничью. Он просто громко заявил: «Ничья» — и подписал бланк, не дожидаясь согласия противника. Эйве пожал плечами и... также подписал бланк.

17 СЕНТЯБРЯ.

Хорошо играют в турнире шахматисты Болгарии, хотя они сегодня и проиграли матч советской команде. Минев, играя на первой доске с Ботвинником, не раз заставлял задумываться своего грозного противника. В эндшпиле Минев сопротивлялся весьма остроумно, и лишь на 91-м ходу чемпиону мира удалось сломить сопротивление молодого шахматиста. Ботвинник заявил: «Давно не получал такого творческого удовольствия от шахматной партии».

Второй лидер турнира — команда Югославии потерпела поражение от Венгрии.

Главный арбитр Видмар шутя жаловался, что на турнире все идет слишком спокойно и гладко, никаких конфликтов. Некоторые объясняли это тем, что среди его участников нет Решевского. Но сегодня Видмару все же пришлось немного поработать. Югославский гроссмейстер Пирц в партии случайно дотронулся не до той пешки, которой должен был взять слона противника во время размена. Видмару пришлось объяснять Пирцу: «Раз дотронулся до фигуры, то ею и нужно ходить, независимо от того, выгоден этот ход или нет». В результате Пирц остался без фигуры. Однако в дальнейшем его противник Сабо играл неуверенно, и маловероятное стало фактом — партия закончилась вничью. Пирц теперь говорит, что он в состоянии давать некоторым гроссмейстерам фигуру вперед. Но все же югославам было не до шуток. Наши шахматисты оторвались от них на 1,5 очка, Югославию догнала Аргентина.

18 СЕНТЯБРЯ.

Положение наших шахматистов еще более улучшилось. С крупным счетом мы выиграли у Исландии. Много очков нашей команде дал в турнире Керес. Он набрал 9½ очков из 10 возможных!

Югославия с трудом свела вничью матч с Болгарией. Наиболее опасным нашим противником теперь становится наряду с Югославией и Аргентина.

19 СЕНТЯБРЯ.

Этот воскресный день,— видимо, один из решающих в турнире. Зрители, переполнившие обширный зал Аполло-холла, с напряжением следили за центральной встречей дня: СССР — Аргентина. В 1946 году Найдорф выиграл партию у Ботвинника. Аргентинский гроссмейстер, который много путешествует, всюду акцентировал, что он единственный гроссмейстер, который имеет положительный счет против Ботвинника. Ботвинник не любит оставаться в долгу: сегодня он ликвидировал старый счет, блестяще выиграв у аргентинского гроссмейстера.

Две партии этого напряженного матча были отложены в лучших для советских гроссмейстеров позициях.

20 СЕНТЯБРЯ.

Утром доигрывались неоконченные партии. Как и следовало ожидать, Бронштейн легко выиграл у чемпиона мира среди юношей Панно. Красивой комбинацией форсировал выигрыш Керес в партии с гроссмейстером Пильником. Таким образом матч СССР — Аргентина закончился со счетом 3,5 : ½ в нашу пользу.

После этой важнейшей победы наша команда еще больше оторвалась от ближайших соперников.

Сегодня же закончилась, наконец, на 106-м ходу партия Котова с исландским мастером Арнлаугсоном. Победил советский гроссмейстер.

Сало ФЛОР

Амстердам (по телефону).

ЧЕЛОВЕК сильнее НЕБА

Мощная землечерпалка ведет работу по углублению русла реки.

М. ДОМОГАЦКИХ

«Сколько бы вы ни шли, нигде вы не найдете мест богаче, чем долина реки Хуайхэ»,— гласит китайская пословица. Здесь выращивают пшеницу и гаолян, сладкий картофель и земляной орех, хлопок и чай. Бассейн Хуайхэ знаменит также соляными промыслами, угольными копями.

Но Хуайхэ с давних времен приносила и большие страдания народу. На протяжении двух тысячелетий она разливалась 979 раз, обрекая миллионы людей на голодную смерть. Сколько человеческих трагедий связано с этой капризной рекой! В 1931 году, когда одновременно разлились Хуайхэ и Янцзы, в бурно несущихся водах утонуло 140 тысяч человек; 25 миллионов человек в тот год остались без крова и средств к существованию.

Еще более страшным было наводнение в 1938 году, когда клика Чан Кай-ши под предлогом «борьбы с японским наступлением» предательски приказала взорвать дамбы в провинции Хэнань, сдерживавшие воды другой реки — Хуанхэ. Миллионы кубометров воды Хуанхэ, как штормовой вал, покатились в Хуайхэ, разрушили созданную веками дренажную систему и стали сметать все, что встречалось на пути. Тогда погибло полмиллиона человек.

Никто, конечно, в дни стихийных бедствий не мог помочь народу: правящая верхушка была отделена от трудящихся непроходимой пропастью. Даже средства, пожертвованные для помощи пострадавшим, большей частью были расхищены чиновниками.

* * *

Машина, то поднимаясь вверх, то катясь вниз, обгоняет бесчисленные повозки и тачки. Позади остался город Люань, и дальше дорога пошла через горы Дабашань, между которыми неширокой полосой тянулись рисовые поля, залитые водой. Вся долина напоминала зеркало, в котором отражалось голубое небо.

Еще один подъем и спуск — и вот перед нами поселок строителей Фуцзылинского водохранилища. Здесь живет несколько десятков тысяч человек. У подножия гор — рощи бамбука, из которого тут сделано все: жилые дома, столовые, даже водопровод — по бамбуковым стволам с гор течет прозрачная холодная вода; бамбуковые скамейки в кинотеатре, из бамбука сделаны легкие лодки-паромы, коромысла для переноски тяжестей. А жареные побеги бамбука — одно из приятных блюд.

Фуцзылинское водохранилище, проект которого составлен с участием советских специалистов, — одно из шестнадцати горных водохранилищ, сооружаемых для сбора воды из притоков Хуайхэ и орошения засушливых земель. Три из них уже построены. Когда намеченный план строительства осуществится, можно будет управлять всем водным режимом бассейна Хуайхэ. В Фуцзылинском водохранилище предполагается собрать свыше пятисот миллионов кубометров воды. Полукилометровая плотина высотой в семьдесят метров, одна из крупнейших в мире, перегораживает долину между гор.

На стройке куются кадры специалистов. Они должны будут еще многое построить в своей стране, укротить бурные реки, послать воды в засушливые районы, заставить цвести сады там, где раньше все выгорало под палящим солнцем юга. Одна из главных их задач — обуздание Хуайхэ. За последние годы народное правительство в эту стройку вложило почти пять триллионов юаней — половину того, что ассигновалось на все ирригационные работы в стране.

Раньше в жаркие летние месяцы река сильно мелела, и часто даже мелким судам с трудом удавалось проходить по Хуайхэ. Когда будет закончено сооружение горных водохранилищ, суда водоизмещением 600—900 тонн будут свободно ходить вплоть до Пекин-Ханькоуской железной дороги. Хуайхэ, связанная каналами с Янцзы, станет важнейшей составной частью единой транспортной системы, которая будет играть еще бóльшую роль в товарообмене между севером и югом страны.

* * *

В одном из китайских храмов — замечательном творении древней архитектуры — лежат девять огромных камней с высеченными на них изображениями облаков. По преданию, этими камнями в далекие-далекие времена затыкали небо во время сильных дождей, что спасало страну от наводнений. В этом предании выражена смелая мечта народа, мечта, идущая наперекор учению: «Человек не может противиться небу».

В Китае родился теперь новый человек. Он претворяет в жизнь мечту о спасении страны от жестокой стихии, мечту, которая когда-то казалась несбыточной. Мы познакомились с этими людьми, пришедшими на Хуайхэ из различных районов страны. Они трудятся на строительстве плотин, дамб, каналов, водохранилищ, покоряя Хуайхэ воле человека. «Человек сильнее неба», — говорят эти люди. Кто они?

Чжан И-пин пришел на стройку после долгих боевых лет, проведенных в партизанском отряде, который сражался против японских захватчиков и гоминдановских реакционеров в уезде Хуайинь, провинции Цзянсу. Сейчас Чжан И-пин — начальник гидротехнического сооружения Саньхэчжа. В этих местах погиб коммунист Тан Ши-ху — прославленный командир партизанского полка. А его товарищ У Цяо, командовавший тогда партизанским соединением, — ныне секретарь парткома, объединяющего партийные организации стройки на Хуайхэ.

На Хуайхэ мы встретились с известным писателем Чэнь Дэн-кэ и молодым литератором Хань Сяо-ином. Они пишут сценарий кинофильма о строителях. Материал для сценария с поэтическим названием «В горах распустились цветы» они собирают прямо на стройке: живут в одном доме со своими героями.

Под окном нашего домика, стоящего у подножия горы Дабашань, весело журчит горный ручеек. Его незатейливая песенка вплетается в нашу беседу. Чэнь Дэн-кэ говорит, что здесь, на стройке, он встретился с героями одной из своих книг, «Дети Хуайхэ», и рад еще раз написать о них, о людях, совершивших трудовой подвиг.

А подвиг действительно велик. Объем земляных работ на Хуайхэ составил уже 400 миллионов кубометров. В плотину и шлюзы уложено 2 миллиона кубометров железобетона и камня. Очищены от многолетних иловых отложений и направлены в новые русла 77 рек, построено 104 шлюза. Это первый этап грандиозного плана строительства на Хуайхэ.

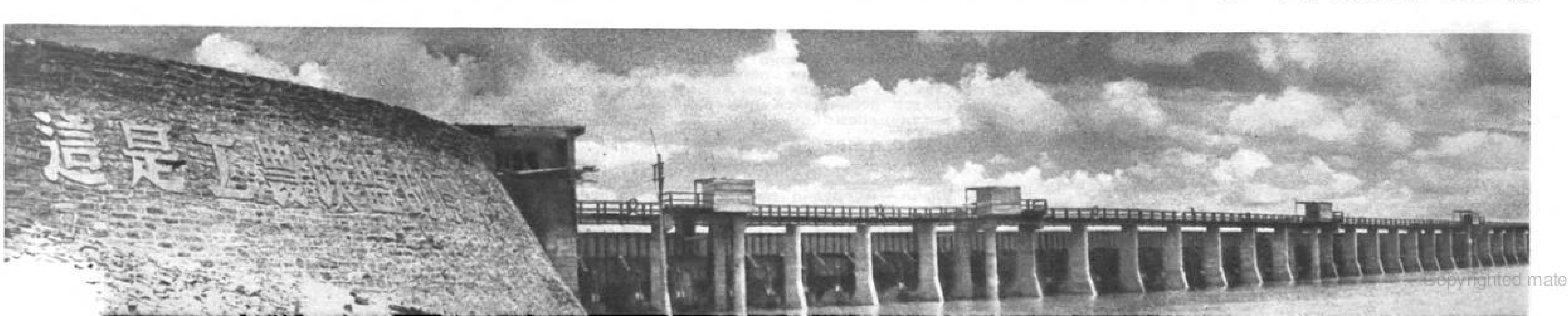
Не будь этой огромной работы, проделанной народом под руководством народного правительства, сильные дожди нынешнего года превратили бы весь район южнее Хуайхэ в сплошное море, и миллионы людей оказались бы в большой беде, как это не раз бывало здесь.

* * *

...Есть в Китае обычай перед Новым годом наклеивать на двери домов цветные полоски бумаги с написанными иероглифами: счастье, богатство, успехи, достаток в семье. Сколько написал крестьянин Сяо Эр-чжи «счастливых» иероглифов за свою жизнь! Но у него самого было лишь два му земли, доставшиеся от отца: собирай хоть четыре урожая в год — все равно не расплатиться с помещиком и чиновниками!

Двадцать три года назад во время наводнения у него в деревне, недалеко от города Хуайинь, утонули сын и дочь, а через год пришлось продать свой клочок земли помещику и пойти к нему же батраком.

— Когда я получил от народной власти четырнадцать му земли, то впервые понял, — говорит он, — что простой человек может быть счастлив. К Новому году на двери моего дома тоже появились красные полоски бумаги, но на них были написаны другие иероглифы: «Да здравствует Коммунистическая партия!» Мы всю жизнь надеялись на небо, к нему обращались за помощью, его молили о счастье. И только на пятьдесят восьмом году жизни я почувствовал, что человек сильнее неба.

Водораспределительная плотина Жуньхэцзи, построенная в 1951 году.

Ли Цун-хэ, председатель сельскохозяйственного кооператива деревни Пайпейяо.

В сельскохозяйственном кооперативе деревни Пайпейяо. Перед выдачей кукурузы нового урожая членам кооператива.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В московском Театре имени Ермоловой с успехом идет историческая трагедия «Цюй Юань» лауреата международной Сталинской премии Го Мо-жо. Пьеса посвящена жизни и деятельности великого китайского поэта-патриота Цюй Юаня, чье имя пользуется в Китае всенародной любовью. Го Мо-жо, написавший пьесу в 1942 году — в годы гоминдановской реакции,— стремился воскресить в ней образ одного из лучших сынов родины, страстного, самоотверженного борца за ее свободу и независимость. Вместе с тем автор, по его собственным словам, «...использовал описание эпохи Цюй Юаня для символического отображения современности». Эпоха Цюй Юаня (340—278 гг. до н. э.) характеризуется бесконечными войнами между отдельными царствами Китая. Передовые люди того времени стремятся к объединению шести царств для защиты их независимости, на которую посягает агрессивное царство Цинь. Реакционные правящие круги идут на сделку с врагом. Цюй Юань разоблачает эти коварные планы, предательскую политику чуского двора. За это Цюй Юаня лишают всех почестей и прав, отрешают от должности придворного поэта и осуждают на изгнание.

Спектакль, поставленный режиссером В. Комиссаржевским, глубоко и образно передает своеобразие эпохи, языка и стиля автора, интересно и убедительно раскрывает образ великого поэта, мыслителя и борца. Успеху спектакля помогают и музыка композитора Р. Глиэра и великолепные декорации художника В. Рындина.

Фото В. Мастюкова (ТАСС) и М. Озерского.

Интриги, лицемерие, ложь господствуют при дворе бездарного царя Хуай-вана. Его любимая жена, коварная и деспотичная Чжэн Сю, вместе с сановником Цзинь Шаном, сторонником царства Цинь, составляет заговор против Цюй Юаня. Поэт оклеветан.

Рыбак (С. Зайцев), случайный свидетель подлого сговора против поэта, рассказывает об этом возмущенному народу.

Не личные невзгоды тревожат Цюй Юаня — глубокая скорбь за участь и будущее народа владеет им. Понимая подлинные причины своего изгнания, поэт пытается предотвратить пагубное для страны решение.

Цюй Юань (Ф. Корчагин): «Государь, неужели вы до сих пор не прозрели? Судьба царства Чу в ваших руках. Не обрекайте всех нас на муки и гибель».

На первом плане (справа налево): Цюй Юань (Ф. Корчагин), министр царства Цинь (Н. Филиппов), часовой (А. Ивашов), царь Хуай-ван (С. Гушанский), сановник Цзы Цзяо (Н. Толкачев).

Юная Шань Цюань, служанка Цюй Юаня (И. Киселева), смело бросает в лицо правительнице:

«...Как вы жестоки, царица! Зачем вы погубили учителя? Какой это был человек!..»

Царица (Э. Кириллова): «...Я заставлю тебя, служанка, узнать, что такое пытка...»

Цюй Юань (Ф. Корчагин) и часовой (А. Ивашов) у тела погибшей Шань Цюань. Прощальным словом ей звучит ода, написанная поэтом:

Посвящены родной твоей стране
Все, до конца, желания и мысли.

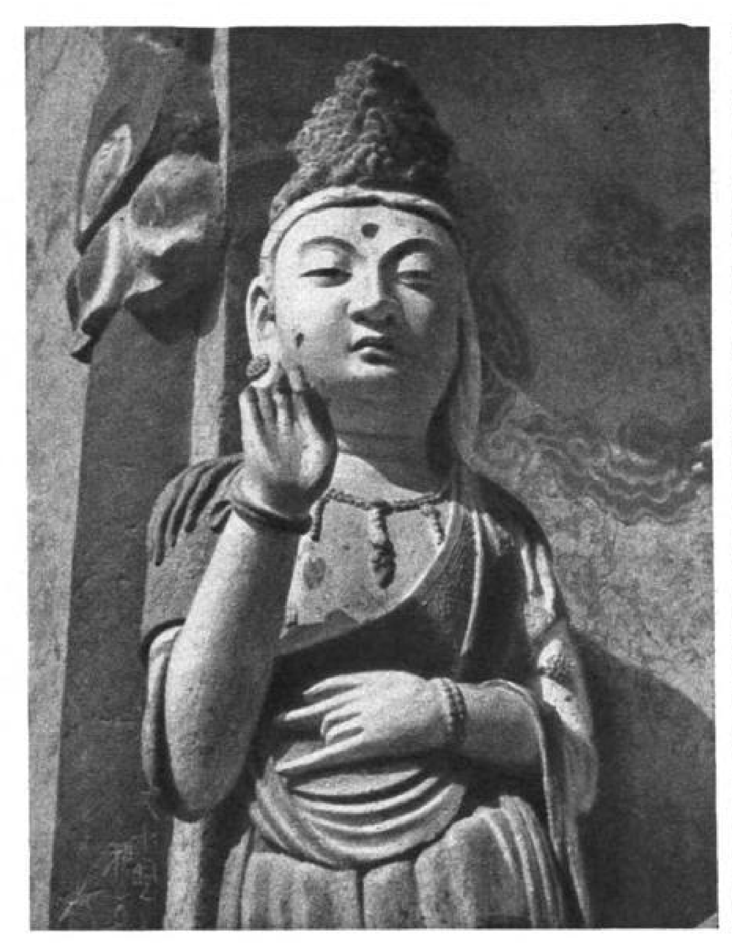
Этим обращением к молодому поколению, этим страстным призывом — всеми помыслами служить своей стране — заканчивается спектакль.

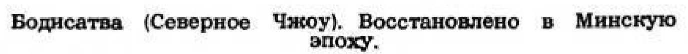
И. ВЕРШИНИНА

МАЙЦЗИШАНЬ

Бодисатва (Северное Чжоу). Восстановлено в Минскую эпоху.

Резьба по камню (Западная Вэй).

Князь Неба (Северное Чжоу). 557—581 гг.

В различных уголках Китая можно встретить замечательные памятники национальной культуры, сохранившиеся с незапамятных времен. Многие из выдающихся произведений китайского искусства — превосходно выполненные стенная роспись, барельеф, монументальная скульптура — находятся в местах, где прежде располагались монастыри, а также у могил императоров старого Китая. Широкой известностью пользуется настенная роспись, обнаруженная в пещерных храмах Дунхуана, барельефы, найденные на месте погребения императора Тай Цзуна, колоссальные статуи, высеченные в скалах у пещерных храмов Лунмынь и Юнган.

Народная власть заботливо охраняет памятники национальной культуры. Устраиваются выставки, знакомящие широкие слои населения с произведениями искусства, прежде недоступными для народа.

Глиняные статуи пещерных храмов горы Майцзишань были обнаружены больше десятилетия тому назад, но только после образования Китайской Народной Республики началось широкое и планомерное изучение этих древних сокровищ. Гора Майцзишань находится на расстоянии 45 километров к юго-востоку от города Тяньшуй (провинция Ганьсу). Красивый пейзаж — невысокие холмы, покрытые лесами и кустарником, окаймляющие равнину, — дополняет протекающая невдалеке от горы река Юнчуань.

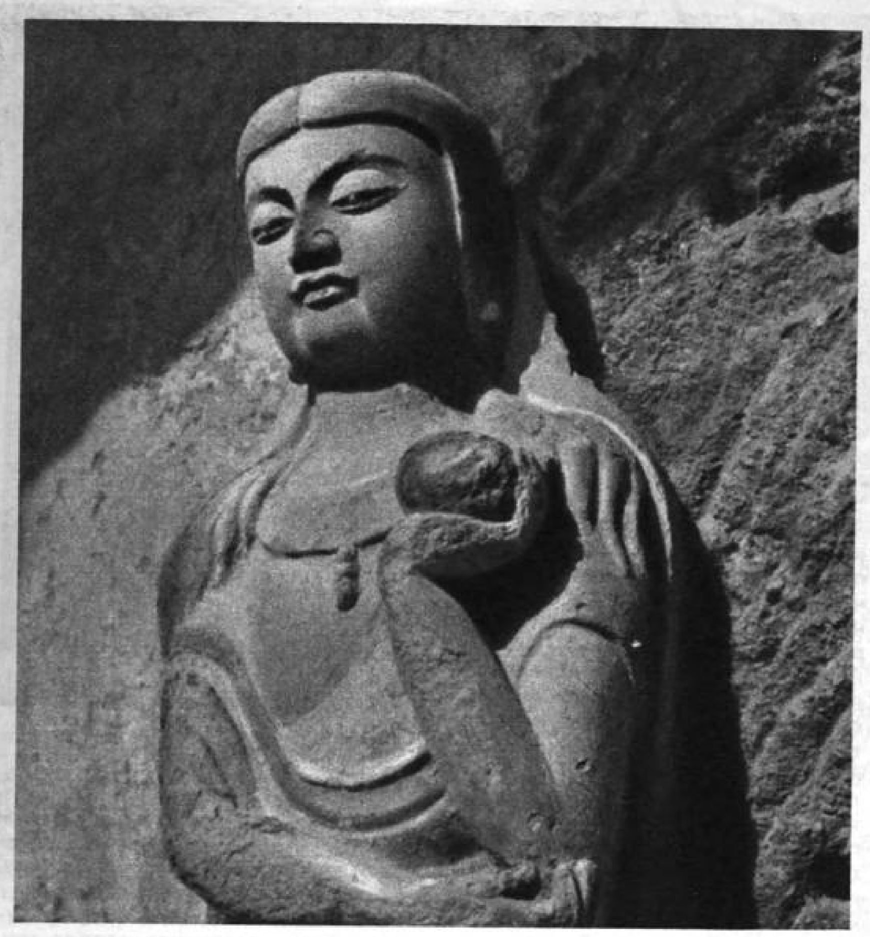
Еще в древние времена здесь начато было строительство буддийского монастыря: в отвесных каменистых склонах на западной и восточной сторонах горы вырубались пещеры и многочисленные галереи, соединявшие помещения. Они строились в течение нескольких столетий.

Одновременно шло украшение пещер и галерей глиняными статуями, барельефами, резьбой на камне.

От скульпторов, создававших глиняные статуи, требовалось большое искусство, точный глаз: в узких нишах, вырубленных для статуй, мастеру приходилось лепить сразу, с таким расчетом, чтобы потом уже ничего не исправлять и не переделывать. И когда видишь, как умело и искусно выдержаны безвестными мастерами пропорции человеческого тела, насколько выразительны лица

Группа Бодисатв (Северное Чжоу). Восстановлена в Минскую эпоху.

Бодисатва (Западная Вэй). 534—557 гг.

скульптур, поражаешься высокому уровню творчества.

Монастырь в Майцзишане с годами пришел в упадок: реакционные власти Китая не проявляли к нему интереса, и постройки постепенно разрушались.

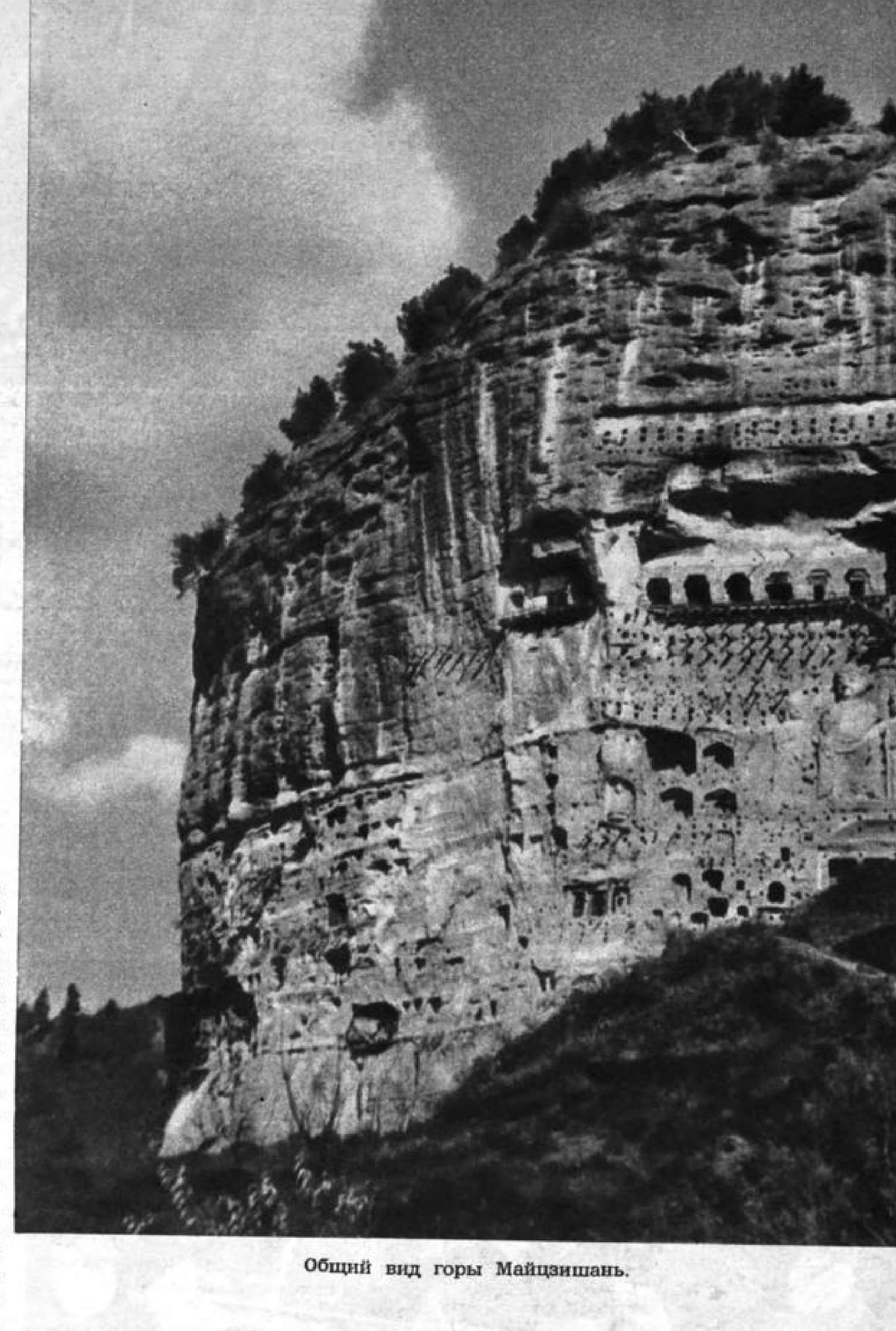
Бикшу — последователь Будды (Западная Вэй). 534—557 гг.

Когда китайские искусствоведы приступили к изучению памятников Майцзишаня, им долгое время не удавалось добраться до пещер: они оказались недоступными. Пришлось предпринять строительство лестниц, отремонтировать множество галерей и переходов, чтобы получить доступ к сокровищам искусства, составляющим гордость китайской художественной культуры.

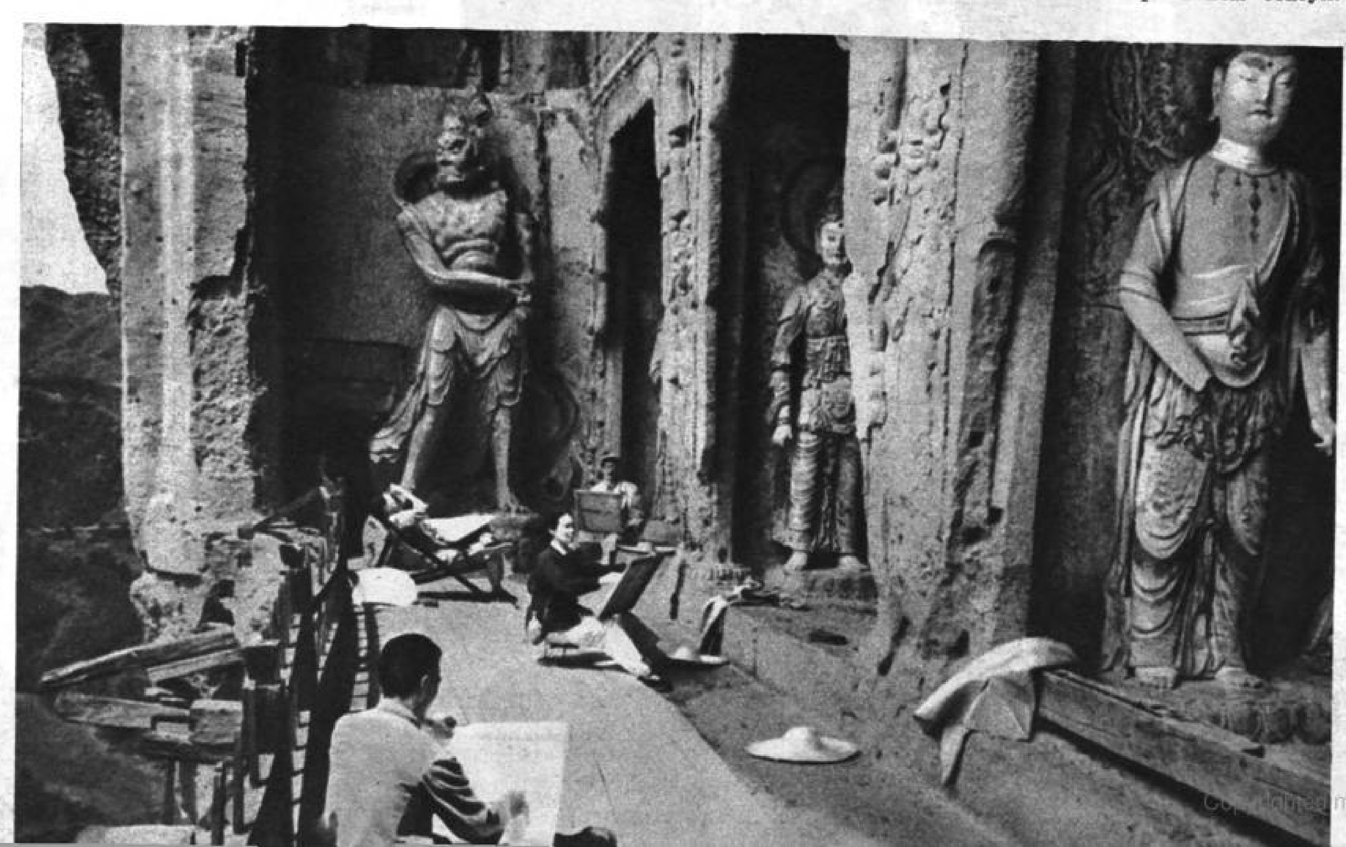
И глиняные статуи буддийских святых, и настенный орнамент, и резьба по камню, выполненная на стенах пещер, вызывают всеобщее восхищение. Статуй, подобных найденным в Майцзишане, нет в других районах страны. Большой интерес представляют также изображения, вырезанные на камне в эпоху Северного Чжоу. Изучение этих произведений поможет дополнить многогранную историю китайского искусства.

В историческом музее города Сиань была организована выставка, привлекшая широкое внимание китайской общественности. Посетители знакомились здесь с фотографиями и художественными копиями великолепных произведений искусства пещерных храмов горы Майцзишань.

Л. ДЕЛЮСИН

Общий вид горы Майцзишань.

В пещере Майцзишань. Художники заняты копированием статуй.

Искусство танца

Тибетский танец «Праздник»

«Танец с красными дудками» национальности яо.

«Танец с длинным барабаном» национальности яо

Несколько лет назад в Пекине проходил первый фестиваль народного творчества национальных меньшинств Китая. В фестивале приняло участие свыше 300 музыкантов, певцов, танцоров, рассказчиков, прибывших из самых различных уголков Китая.

С этого первого общереспубликанского смотра народного искусства, получившего широкую поддержку правительства, прошло четыре года. Сейчас творчество народов Китая, значительно выросшее, стало предметом изучения музыкантов и балетмейстеров, оно широко пропагандируется в концертных выступлениях передвижных ансамблей.

Своеобразным центром пропаганды национального народного искусства стала студенческая группа художественной самодеятельности, созданная в Центральном институте национальных меньшинств, готовящем кадры местных работников. В этом институте обучаются представители 43 национальностей — тут и жители высокогорного Тибета, уйгуры и казахи из провинции Синьцзян, монголы и корейцы, посланцы народностей и, мяо, яо, хуэй, наси и других, населяющих Юго-Западный Китай.

Студенты говорят и учатся на своих родных языках. Они-то и принесли с собой народные песни и танцы, составившие программу выступлений студенческого ансамбля.

Традиционны у тибетцев песни и танцы, исполняемые во время работ на поле.

«Соберем богатый урожай,
Будет жизнь счастливой...» —

поют крестьяне Тибета во время прополки хлебов. Тибетский танец «Хороший урожай» передает отдельные моменты осенней уборки — от косовицы до обмолота.

Танец «Праздник», в котором плясуньи одеты в яркие национальные платья с длинными рукавами, отличается плавностью движений.

В танцах народов Внутренней Монголии запечатлены сцены труда и быта охотников; песни прославляют любимую родину, бескрайние ее степи.

«Танец павлинов» национальности таи.

Необыкновенно изящен рисунок «Танца павлинов» народа таи. Юноша удивительно точно передает движения и повадки птицы.

«Свадьба» — так называется жизнерадостный танец мяо, представляющий чудесную пару молодых влюбленных, празднующих начало своей счастливой жизни. Народные танцы мяо многообразны. «Весна идет» — этой пляской девушки приветствуют наступление тепла — сменяется боевым мужским танцем, перемежающимся соревнованием дудочников.

Представители народа яо привезли с собой красивый по ритму и оформлению «Танец с длинным барабаном». Радует благородный по рисунку танец корейских девушек с огромными веерами. Группа студенток под аккомпанемент народных инструментов исполняет песни о родине...

Трудно перечесть все номера этой программы, любовно и бережно почерпнутой из сокровищницы народного искусства.

Е. НИЛОВА
Фото ЕВЫ СЯО.

«Хороший урожай» — тибетский танец.

«Корейский танец».

Спорт больших скоростей

В. ВИКТОРОВ

Рисунки В. БОГАТКИНА.
Фото Е. УМНОВА.

Приходилось ли вам слышать, как ревут гоночные мотоциклы? Лишенные глушителей, они мелькают по узким таллинским улочкам, метеорами проносятся по приморскому шоссе, оглушая город ревом своих могучих, хорошо форсированных моторов. Но любители мотоциклетного спорта с наслаждением вслушиваются в эти совсем не мелодичные звуки, провожая восхищенными взглядами затянутых в кожаные костюмы спортсменов.

Уже в седьмой раз сильнейшие гонщики страны собирались выйти на асфальтированную арену, проложенную в сосновом лесу под Таллином, чтобы разыграть первенство страны по кольцевой шоссейной гонке.

Задолго до начала соревнований над домами старинного города появились призывные транспаранты «Все на мотогонки!»

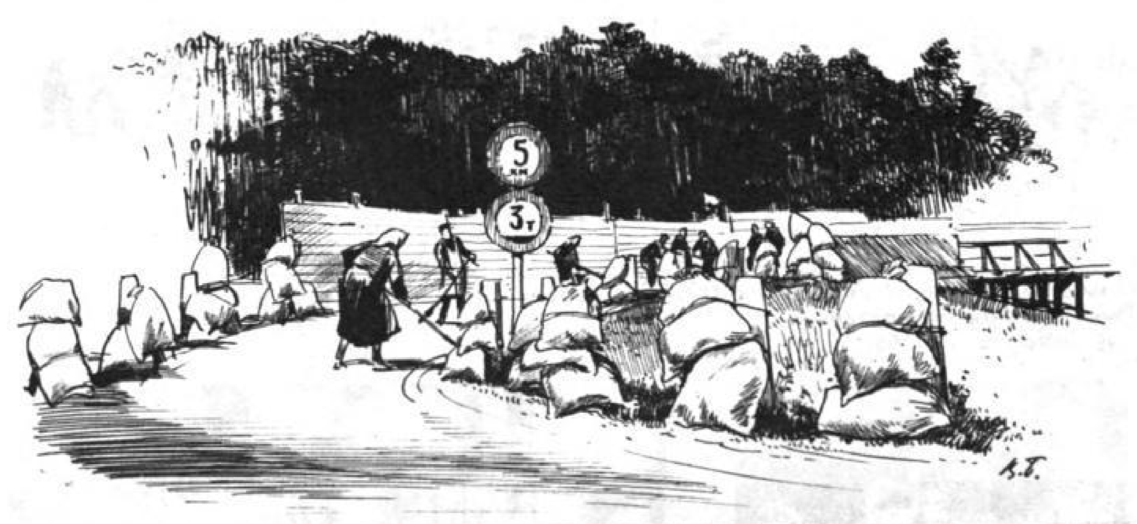
Но соревнование мотоциклистов началось не на гоночном кольце, в районе Пирита-Козе-Клоостриметса, а в гаражах, где спортсмены тщательно готовили свои машины, выверяя каждую деталь. Этой кропотливой, подспудной работы не видел никто, а от нее во многом зависела победа.

Вот еще раз проверяют свой мотоцикл работники Ирбитского мотоциклетного завода — лаборант Борис Популов и его колясочник электросварщик Анатолий Хомутов. Они оба участвовали в создании нового мотоцикла «М-77» и теперь в гонках собираются доказать превосходство этой машины.

В то время, как гонщики тренировались и окончательно «доводили» свою технику, заканчивались и приготовления на извилистой трассе. Специально проложенная для мотосоревнований, она представляет собой замкнутый круг протяжением около 7 километров и насчитывает 21 поворот. Дистанция гонки для мужчин — 30 кругов (202,66 километра). На огромной скорости, достигающей 140—160 километров, участники соревнований должны преодолеть свыше 600 поворотов, около 200 спусков и подъемов.

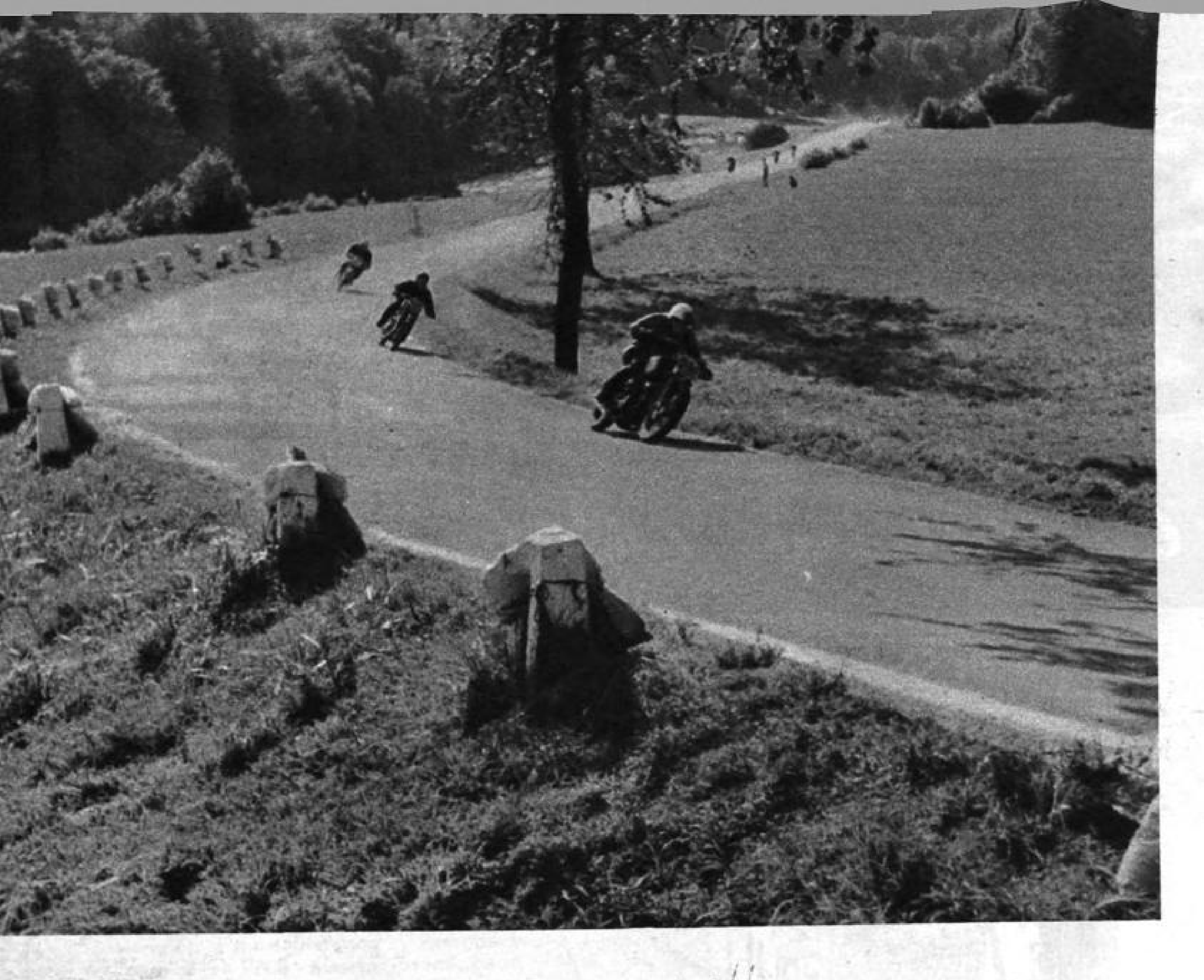
На особенно опасных поворотах стволы деревьев, придорожные тумбы обвязаны мешками, набитыми опилками. Несколько тысяч таких мешков потребовалось, чтобы подготовить трассу.

И вот наступил день всесоюзного первенства.

Главный судья соревнований маршал бронетанковых войск С. И. Богданов дает последние указания спортсменам.

Это один из самых волнующих заездов. Для победы требуется исключительная сработанность экипажа. На каждом повороте колясочник, несмотря на огромную скорость, должен уравновешивать положение мотоцикла. Малейшее промедление грозит аварией, поражением. Свыше 600 акробатических бросков совершает колясочник во время гонки.

Поворот «Румми».

Поворот «Люкати».

Очередной поворот остался позади. Быстрей, быстрей, вперед!

Зрители окружили трассу сплошной стеной. Сюда, к асфальтированному кольцу, пришел не только весь Таллин — съехались в Пириту и жители других городов Эстонии. Для них мотогонки — народный праздник.

И началась борьба.

Вышли на трассу мотогонщики на машинах с объемом цилиндра до 125 кубических сантиметров. Москвич Н. Селиванов, представитель армейской команды, первым пересек линию финиша. Товарищи собрались около победителя.

Гремели аплодисменты, но и они не вызвали интереса у этого гонщика, который использует последние минуты отдыха перед близящимся стартом мотоциклов с колясками.

Все меньше кругов остается до финиша.

Лидируя с 7-го круга, первыми закончили тридцатый круг рабочие Ирбитского мотоциклетного завода Б. Популов и А. Хомутов. Это была победа не только молодых спортсменов, но и всего рабочего коллектива, создавшего отличную гоночную машину. Спортсмены показали рекордную для таллинского кольца скорость, пройдя дистанцию за 2 часа 1 минуту 51,6 секунды. Они шли со средней скоростью 99,784 километра в час.

В мотогонках по кольцу участвуют не только мужчины, но и женщины. Они соревнуются на мотоциклах до 125 кубических сантиметров. Дистанция гонок — 15 кругов. И когда на финише появилась победительница — заслуженный мастер спорта И. Озолина, ее стали качать вместе с машиной.

Не смолкая, ревут мощные моторы. Как только закончили гонку женщины, начали борьбу гонщики на машинах до 350 кубических сантиметров. Вы видите их на заглавной фотографии. Спортсмен, идущий под номером «184», А. Маслов, со старта возглавил гонку и вел борьбу с опередившим его на 6-м круге А. Степановым до 14-го круга, после чего сошел с дистанции. Но и Степанов, сохранявший лидерство до 29-го круга, из-за разрыва цепи вынужден был сойти с круга. В этот момент его и зарисовал художник. Таким образом, первенство страны завоевал П. Баранов, шедший с 18-го круга вторым.

Не успели зрители прочувствовать и пережить все перипетии этой борьбы, как на старт вызвали спортсменов, выступающих на самых мощных машинах — до 750 кубических сантиметров.

Прозвучала команда судьи, заработали моторы, и гонщики устремились вперед. Прошло немногим больше 3 минут, и мимо судейской трибуны промчался спортсмен. Это армейский мотоциклист Г. Фомин (№ 241). Но он недолго оставался во главе гонки. Уже после 2-го круга вперед вырвался молодой спортсмен Ю. Степанов, однако и его постигла неудача — неисправность машины вынудила гонщика сойти с дистанции. Долгое время гонку вел В. Пылаев, но и он на 22-м круге должен был прекратить борьбу.

А в это время внимание зрителей привлек другой спортсмен, выступающий на новой машине Ирбитского завода. Зрители, внимательно отмечающие в своих таблицах номера гонщиков, вдруг обнаружили, что армеец Сергей Сергеев (№ 249), взявший старт последним, на 19-м круге оказался третьим, а затем и вторым.

С огромной скоростью проносился Сергеев, догоняя Фомина, снова ставшего лидером...

И вдруг он исчез. Что с ним? Этот вопрос волновал всех. И ответ не замедлил прозвучать на трассе. «Сергеев остановился»,— сообщил диктор... Три раза гонщик должен был останавливаться, меняя свечи, терял все и снова устремлялся вперед, настигая ведущего. На 27-м круге Сергеев уже обогнал Фомина, и снова остановка. Это и решило судьбу первенства — его выиграл армеец Г. Фомин, а вторым был С. Сергеев — подлинный герой гонки.

Промчались через линию финиша последние машины. Замолк рев моторов. Стихли аплодисменты, которыми зрители наградили победителей, получивших золотые медали чемпионов страны. Опустели сосновые леса, обрамляющие кольцевую трассу, и только мешки с опилками да таблички, предупреждающие о том, что до очередного поворота остается 100 метров, напоминали о том, что здесь на огромных скоростях еще недавно кипела спортивная борьба.

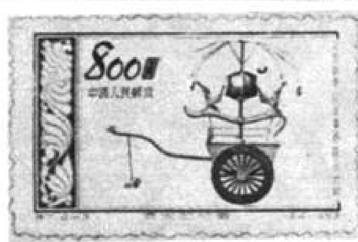
Из почты «Огонька»

Новые марки

В прошлом году в Китае было выпущено несколько новых серий марок. Любителям-филателистам, наверное, небезинтересно будет познакомиться хотя бы с некоторыми из них.

Особенно интересны марки из серии «Наша великая Родина».

Вот марки, посвященные великим китайским изобретениям — компасу и прибору, смонтированному на тележке, автоматически отсчитывающему пройденное расстояние.

Эти марки взяты из серии «Жизнь замечательных людей». На первой — древний китайский поэт Цюй Юань: к 2230-летию со дня его смерти; на второй — польский астроном Коперник (фамилия Коперника звучит в китайской транскрипции как Гэ Бо-ни).

Серия марок посвящена борьбе китайского народа за мир.

ЛИ ЦУНЬ-ЛИ

Китай.

Китайская пишущая машинка

Китайский ученый Цы Хай дает в своем толковом словаре 50 тысяч иероглифов. Какой же должна быть пишущая машинка, у которой 50 тысяч клавишей?

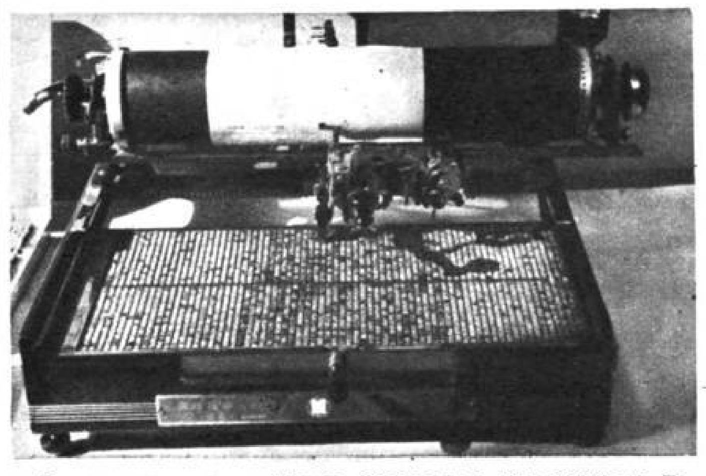
Чтоб ответить на этот вопрос, нужно хотя бы очень кратко рассказать о китайской письменности.

Из известных 50 тысяч иероглифов практически в современном китайском письме употребляется лишь 5—6 тысяч знаков.

Первые две из пяти тысяч иероглифов — это 90 процентов употребляемых знаков, третья тысяча — только 5, следующая тысяча — уже всего 2 процента и т. д. Таким образом, в машинке не нужно иметь десятки тысяч знаков.

Иероглиф не случайное нагромождение черточек. Черточки пишутся в строгом порядке. В каждый знак входит определенный элемент, который называется ключом. Ключей всего 214; например, в иероглифе туй (толкать) ключ тоу (рука).

Существует несколько типов китайских пишущих машинок. Основной представляет собой кассету с двумя — тремя тысячами наиболее употребительных иероглифов. Остальные находятся в запасной кассете. Знаки расположены группами по ключам. Сверху — свободно двигающаяся во все стороны каретка. Машинистке нужно напечатать слово Чжунго — Китай. Она быстро находит по ключу нужную группу, подводит каретку к знаку чжун, нажимает рукоятку каретки, стальные пальцы хватают иероглиф, хлоп — знак ударяет по листу бумаги. Потом печатается другой знак — го.

Печатаются документы на китайской пишущей машинке значительно медленнее, чем на нашей. Человек, хорошо владеющий скорописью (синьшу, или цаошу), пишет пером скорее, чем на машинке.

М. ДЕМИДЕНКО

Сообщение о существовании вулкана в Маньчжурии

С давних времен возникли и поддерживались научные, культурные и торговые связи русского народа с дружественным китайским народом, обладающим древнейшей культурой. Одним из свидетельств этой связи является обнаруженное нами сообщение об описании китайскими исследователями неизвестного ранее вулкана в Маньчжурии.

Сообщение было опубликовано действительным членом Русского географического общества В. П. Васильевым в 1855 году. Автор заметки рассказывает, что им была приобретена в Пекине и изучена китайская рукопись, являющаяся копией докладов, посылавшихся в течение многих лет императору из Хэй-Лун-Цзянского округа Маньчжурии. В рукописи имеется географическое описание Маньчжурии и ее тогдашнего быта, а также различные подробности о сношениях с Россией.

Внимание автора заметки привлекло содержащееся в рукописи известие об «огнедышащей горе» и извержении неизвестного ранее вулкана. Извержение началось в 58-м году, 5-го числа 12-й луны (5 декабря 1720 года) в местечке Уюнь-Холдонги, расположенном к северу от деревни Томочинь, лежащей на реке Нэмерь.

В донесениях правителя округа, основанных на сообщениях специальных посланцев, подробно описывается извержение и состояние вулкана на протяжении почти двух лет. Обращает на себя внимание редкая наблюдательность и точность описаний китайских авторов.

В этот период в западноевропейских источниках явления природы нередко объяснялись силой «божьего могущества», наказанием бога за совершенные людьми грехи. В описываемом же китайском источнике совершенно не заметно элементов мистики, извержение описывается обстоятельно и точно.

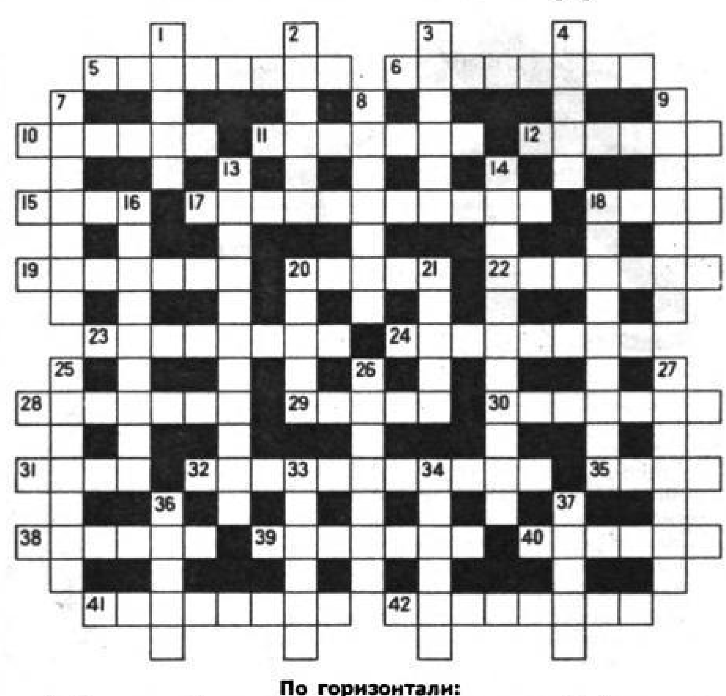
Как указано в первом донесении, извержению предшествовало землетрясение. Затем из земли вырвалось пламя и стали выбрасываться камни. Падая, они образовали все более увеличивающуюся гору. Вскоре рядом с основным вулканом появились три побочных конуса. Вытекающая лава преградила реку Удэлинь и образовала небольшое озеро.

Сообщение об этом извержении имеется еще в записках одного китайского чиновника о Нингуте, относящихся к 1722 году.

И. БАТЮШКОВА,
научный сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР.

В этом номере на вкладках: четыре страницы рисунков китайских художников и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Предмет обозрения на выставке, в музее. 6. Знак в китайском, египетском письме. 10. Изделия из высококачественной глины. 11. Преобразование. 12. Злак, близкий к просу. 15. Пресноводная рыба. 17. Отрасль сельского хозяйства. 18. Продажа готовой продукции. 19. Южное дерево. 20. Дипломатический представитель. 22. Плотничий инструмент. 23. Представительница народа, населяющего некоторые страны Азии. 24. Форма литературного произведения. 28. Ожерелье. 29. Человек, следящий за соблюдением правил в спортивной игре. 30. Новатор в сельском хозяйстве. 31. Место в зрительном зале. 32. Лекарства. 35. Административно-территориальная единица. 38. Шелковая ткань. 39. Порода овец. 40. Ветер разрушительной силы. 41. Автор сатирических подражаний. 42. Участок, засаженный шелковицей.

По вертикали:

1. Опора моста. 2. Мираж. 3. Сосуд для сохранения содержимого в постоянной температуре. 4. Папоротникообразное растение. 7. Металл. 8. Город в Тамбовской области. 9. Обилие. 13. Работник почты. 14. Убежденность. 16. Персонаж из повести «Нос» Н. В. Гоголя. 18. Специалист по учету. 20. Место косьбы. 21. Описание морей и побережий. 25. Сказка Андерсена. 26. Автономная республика. 27. Горная система в Азии. 33. Столица АССР. 34. Приток Енисея. 36. Литературное произведение. 37. Площадка в цирке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

2. Трансформатор. 8. Бригада. 9. Коллоид. 11. Замша. 12. Флюорит. 13. Система. 16. Ерик. 18. Кабинет. 19. Штаб. 20. Храбрость. 21. «Недоросль». 23. Сеть. 25. Гобелен. 26. Фриз. 30. Филидор. 31. Албанцы. 32. Клещи. 34. «Ариадна». 35. Санкция. 36. Интерпретация.

По вертикали:

1. «Локомотив». 2. Триполи. 3. Азалия. 4. Сказ. 5. Мука́. 6. Таллий. 7. Реостат. 8. Беллетристика. 10. Демобилизация. 14. Чартков. 15. Лемешев. 17. Керчь. 19. Штраф. 22. Землемер. 24. Тбилиси. 27. Реакция. 28. Солдат. 29. Фланец. 32. Кадры. 33. Исеть.

На сельскохозяйственной выставке

— ЗОЛОТАЯ РЫБКА!..

Рисунок Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 06931. Подп. к печ. 21/IX 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 791. Заказ 2743. Рукописи не возвращаются.

ОТДЫХАЙТЕ НА ОЗЕРЕ РИЦА!

На озере Рица, в 60 километрах от Гагры, открыта первоклассная ГОСТИНИЦА Главкурортторга.

К услугам отдыхающих уютные комнаты, ресторан, кафе, такси и автобусы, катера для прогулок по озеру.

На озере Рица, а также в Гагре, Сухуми, Мюссере открыты ПАНСИОНАТЫ для отдыхающих, которые приезжают на своих автомашинах.

Пансионаты обеспечивают жильем, питанием, гаражом для автомашин и уходом за ними.

Путевки в пансионаты продаются на месте, а также Главкурортторгом (Москва, ул. Кирова, 47). Справки по телефонам: К 2-73-10 и К 2-73-44.

Цена номера 3 руб.